

СЕМЕЙН
ПЕЧЕНИК

ЗАПАХ
СНЕГА

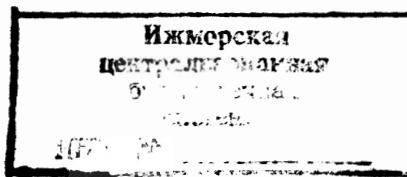
СЕМЕН
ПЕЧЕНИК

ЗАПАХ
СНЕГА

- 45459 -

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

«Сибирский писатель»
Кемерово
2001

В пятой книге поэта собраны основные стихотворения, фиксирующие жизненный путь автора и его лирического героя, его судьбу. Суть ее — любовь к матери, родной земле, к любимой женщине. Исторические стихи органично связаны с современностью.

Издано по лицензии Союза писателей Кузбасса
Серия ЛР 030775

РАДОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩ

Мне всегда в жизни везло на людей... А биография моя довольно простая: родился на Украине, эвакуация. / Не фотографии детства нет у меня, / все фотографии / молодая война... / В заснеженном Ленинске-Кузнецком война приземлилась. Впадала в далекое детство / зеленая осень.../.

Послевоенное голодное детство в руины Крещатика, Сталинка, Лукьяновская Школа № 25 вблизи Андреевского извозничий дом с домиком, где родился Михаил Булгаков. Жизнь в коммуналке, уличная братва: / Вадик, шальная башка, / так как прежде верен удар? / Помню грани сталинского не в твоём сердце будили пожар.../.

От уголовщины спасла служба в жандармерии, в течение 3-х с лишним лет, в Московском лицее военно-медицинское разогнали и летом 1959 года, с майским призывом, я «хотал» в образцовую полковую школу в Коломенское, под Москвой.

Перед армией служил санитаром на «станции помощи» г. Киева, увлекался спортом и спортом ванием.

Сочинять начал рано: писал «романы» как в школе, в 12 лет — первое стихотворение «Ветер», опубликованное в стенгазете «Жадно читал».

Однажды, на втором году службы, удалось вырваться из части в Москву и зайти в редакцию «Комсомольской правды».

Литконсультант Юнна Мориц нашла у меня «аж» 17 строк в моей засапожной тетрадке, чем меня страшно обидела, ведь «творил» я тогда очень много. Она же посоветовала пойти в литобъединение «Магистраль» при ЦДКЖ (Центральном доме железнодорожников), где мне, сержантику желдорбата, довелось увидеть и пообщаться с многими людьми: Григорием Левиным (руководителем объединения), Булатом Окуджавой, Владимиром Леоновичем, Анатолием Передреевым, многими другими.

Счастье человеческого общения считаю — высшим счастьем. В 1962 году поступил в Кемеровский медицинский институт, демобилизовался, поселился в общежитии. Здесь, в Кемерове, в 1963 г. вместе с Евгением Харламовым, с юношеским задором, организовали КТОМ, городское литобъединение.

Член Союза писателей России с 1994 года. Печатался в «Новом мире», «Студенческом меридиане» (Москва), «Радуга» (Киев) и др. Любимых поэтов — много. Но один оставил зарубки на сердце — это Семен Гудзенко.

В 1966 году состоялся семинар Сибири и Дальнего Востока, на котором мне довелось увидеть Василия Федорова и Ярослава Смелякова и пообщаться с ними.

Причем официально мы, «ктомовцы», допущены не были — только благодаря доброжелательности этих больших поэтов...

После семинара обком ВЛКСМ послал мою рукопись Я. Смелякову. И вскоре меня вызвали в обком, где я и получил доброжелательный ответ Ярослава Васильевича.

ЗАПАХ СНЕГА

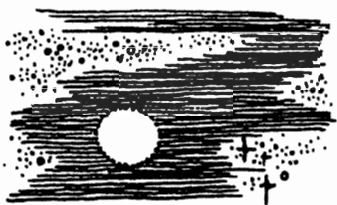
Пусть говорят,
Что снег — вода,
Но я ладонь свою подставил,
И на ладонь легла звезда
В декабрьской сумрачной оправе.

За нею, осыпью сплошной,
Снег медленно, как бы устало,
Пошел сверкающей рекой—
И всё светлей и чище стало!

И сделал мне приметней снег
Полей суровую безбрежность,
И женщины любимой нежность:
Чем жив на свете человек!

И запах необычный был —
Запахло
                        свежестью восхода,
И тальником,
                        и небосводом,
И синевую
                        снежных
  крыл...

СТЕЗЯ
НЕОБРАТИМАЯ

СТЕЗЯ

Блещет,
Как серьга царьградская
Древнерусское:
СТЕЗЯ.
Позади тропа солдатская,
От судьбы уйти нельзя.

Жизнь калейдоскопом кружится,
Но останутся
Во мне:
Лица,
Переулки,
Улицы,
Материнский свет в окне!

ЗЕРНО

Сибирский снег мою покрасил боро
Легли в суглинок снежные цветы.
Сквозь седину я улыбаюсь молодо —
Мне незачем сжигать свои мосты.

Куда мне деть все дорогое прошлое
Ту землю, где навек почилa мать?
Твое дыханье, милая, хорошая, —
В каком же рву все это закопать?!

Пускай прошло, вовеки не воротится
Не создавай, мой друг, наивных схем
Все из зерна на белом свете родится
Из ничего — побегов нет совсем.

Уходит жизнь. И седину холодную
Я не закрасю краской дорогой.
На поминках не спеть мне песню м
И не пойти дорогою другой!

Метель, метель в душе заколoброди
Идти вперед. Вперед — и до конца
Идти вперед и улыбаться молодо.
И не скрывать под маскою лица.

КРАСНЫЙ ПОЯС

Я помню хрип надорванный трехтонки,
Был на перроне флаг щемяще ал.
Взметнувшиеся шпалы из воронки,
Воздетый к небу рельсовый металл.

Но путь сшивали и оживший поезд
Летел в Кузбасс сквозь страшную войну.
И все сильнее
Теплушек красный пояс
Затягивал
Урал,
    Сибирь,
        страну.

* * *

На фронт тянулись тысячи дорог.
Такой нагрузки не знавали шпалы:
Алтайский хлеб.
Кузбасский уголек
И танки из кузнецкого металла.

И был тогда крутой беды посол.
И похоронка в каждый дом — не новос
И вот тогда кто и куда пошел
Решали:
Военком
И совесть.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Бомбардировщик выходит в пике!
Серую тенью несутся вагоны.
Теплой ладошкой у мамы в руке
Детство мое на перегоне.

Трудно, как трудно вернуться назад...
Пес замерзающий возле колодца.
И на снегу умирает солдат.
Кровь из него ярко-красная льется.

В бой призывает красивый солдат.
Мессеров тени над эшелоном.
Черные репы-взрывы торчат.
Черные фюреры в черных погонах.

Красное все на советской земле.
И у тачанок — лишь красные кони.
Красные звезды на красном крыле,
Красное солнце на небосклоне.

Цвет понимать я начал всерьез.
В эвакуации это случилось.
Детские щеки красил мороз,
Красное солнце в небе светилось.

Карандашами свободно решал
Все политические задачи.
Черным — фашистов я рисовал.
Красным — советских бойцов, не иначе.

И под столом я капусту просил,
Очень капусты мне кислой хотелось.
Запросто все я задачи решил,
Красная кровь в детских жилах летела.

Как вдохновенно я жизнь постигал!
Вот бы на миг в этот мир возвратиться!
Детство мое. Я ладони разжал.
Детство мое. Упорхнула синица.

В ТИРЕ

В заснеженном Ленинск-Кузнецком
Война приземлила меня.
Впадала в сибирское детство
Зеленая речка Иня.

Мне снились тогда командиры
В буденовках с алой звездой.
«Садил» махру возле тира
Учащиеся ФЗО.

И мне инвалид на ступеньках
Винтовку порой выдавал.
Шептал: «Цель под свастику, Сенька», —
И я иногда попадал.

И я принимал как мужчина
Геройский, казалось мне, вид,
Когда говорил: «Молодчина!»
Угрюмый, седой инвалид.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Отец и мама молодые,
Сверкает медное литье,
Теснят оркестры духовые
Старинных парков забытье —

Послевоенный город Киев,
Гремит трамвай по Прорезной,
И самопалы нарезные,
Освоенные пацанвой.

Живу совсем в другой Галактике:
Поют безногие, слепые...
И вместо зданий на Крещатике
Одни таблички номерные.

Играем в «казаков-разбойников»,
Но вот нашли в подвале «шмайсеры»:
И горько плачут наши матери:
«Что вырастет из беспризорников?!»

Но галстуки пылают — алые,
Глазасты мы, худые, тонкие,
И праздники все — небывалые,
А мы веселые и звонкие.

Салют взлетает в небо гроздьями,
Луна на синем небе — пряником,
И в жизни ничего не поздно нам,
А мама кормит вкусным драником.

Слова, как яблоки литые,
Держи кепчонку, не зевай!

Послевоенный город Киев

Во мне цветы не отцветают

* * *

Увези меня, «Скорая»,
Туда,
Где людям плохо...
Может,
                  мое дыхание
Пригодится для вдоха?!

Может,
                  мое горение
Вспыхнет в теле
  другом —
Общим сердцебиением
Трудный возьмем подъем?

Люди!
Ладони из синей полночи
К вам простирают «Скорые помощи»

И в рассветном тумане
Жизнь на алом кресте
Вспыхивает, как пламя
В угасавшем костре...

ВКУС

Лирический мой вкус
Формировался так:
В очередях я мерз
За хлебом арнаутским,
За сахарным песком,
За тем, что «все потом»,
В очередях узнал
Язык могучий русский.

Эпический мой вкус
Формировал мой полк —
И до сих пор металл
Команд
Сочится в строки.
Зеленый котелок
Нам на двоих, дружок,
Зачислен навсегда
Наш старшина в пророки.

И —
«Гал-лав-ной убор, —
Звучит приказ —
Надеть!»
И —
«Становитесь в строй!» —
Повзводно и поротно.
Звучит, звучит трубы
Надраенная медь,
И мы уходим в жизнь
Уже бесповоротно.

ОДНОПОЛЧНАМ

Виктору Череднику

Моросит осенний дождь устало,
Пришивая горизонт к стерне.
На плече моем уснула шпала.
Креозот стекает по спине.

Сапоги щебенку загребают,
Под ноги себе я не гляжу —
Я тяжелым взглядом отмечаю:
Где я эту шпалу разбужу.

Словно сброшу все свои тревоги,
Разогнусь и воздуха глотну.
Но сержант приказывает строго:
— Поживей тащи еще одну!

— Отделенный, я готов хоть тыщу
За большую ночь перетаскать!
Посмотри на эти вот ручищи —
Да с такими по две можно брать!

Но валюсь при первой же попытке.
Креозот и пот текут со щек.
И сержант хохочет:
«Ишь ты, пряткий!
Может, по три спробуешь еще?»

Железнодорожная пехота
Улыбается рождению дня...
Только ты не смейся, моя рота,
И в обоз не списывай меня.

Ведь какое б ни коснулось горе —
Я дойду.
Ведь я — один из вас.
Вдалеке — на ветровом просторе
Семафор открыл зеленый глаз.

ЭМБЛЕМЫ

Вспомни, как в шинелях мы ходили
По московской древней мостовой.
И сверкали желдорбата крылья
На эмблеме нашей золотой...
Золотое, наше, дорогое —
Вспомни, у своей души спроси —
Как ловили дружно под Москвою
Редкое полночное такси.
Слово «самоволка» — под запретом,
Но куда мне деться, старшина,
Коль лежала и зимой и летом
На сердце девчоночка одна.
Это фото грело так надежно
(Это фото не для всяких глаз!) —
Так спасал упрямый подорожник,
Заживлял нам раны в трудный час.
Наша юность опровергла схемы,
Но бывало истово, не зря
Асидолом драили эмблемы —
Стрелы, звезды, крылья, якоря.
И казалось — и откуда силы? —
В самый трудный, в самый тяжкий час
Выносили желдорбата крылья
И на высоте держали нас.

* * *

Стихи слагаю, сдав наряд,
В солдатском клубе, в воскресенье.
Ребята просто говорят:
«Прочти, Семен, стихотворенье!»
А ведь сказал большой поэт —
Пиши, коль снизошло прозренье.
А у меня прозренья — нет,
Лишь к слову жгучее стремленье.
Нет у меня избытка сил,
Но пригубил я струи ветра,
И я ладонями срастил
Хребет упрямый километра...
От всей души строчу в тиши
О вас, друзья из желдорбата.
Ведь всем известно: без души
Нет ни поэта, ни солдата.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПЕХОТА!

Павлу Милехину

Железнодорожная пехота!
Ладная бушлатная братва
Зерна пота,
Капли креозота
Сеют в полный профиль
Полотна.
Что взойдет здесь
На пространстве узком,
Под фронтальным навесным дождем? —
Дань отдав по-русски —
Перегрузкам,
Сами мы, наверное,
Взойдем.

ОТВЕТ

Не будем мы пижонами —
У нас и не получится.
Дорогами сожженными
За нами юность кружится.

Незримый след оставила — —
Не снимешь с гимнастеркою
Уставов жестких правила —
Жизнь трезвая и зоркая.

Солдатские дороги —
Как рубежи за мной,
Старшинский голос строгий:
— Сержант Печеник, в строй!

* * *

Ложится заветное слово
В скупые изложницы строк.
Впадает певучая мова
В сибирский крутой говорок.

В судьбу мне на радость и муки
Вплетались дыханьем реки —
Днепра голубые излуки,
Пригомские ивняки.

Такая мне выпала участь:
В притомской земле берегу
Украинской мовы певучесть —
И я перед ними в долгу:

В долгу пред тайгою и гаем,
Ну как мне, скажите, не петь
Каштан, зацветающий в мае,
Сибирской черемухи цвет?!

ПАМЯТИ ПОЭТА

*Что бы жизнь ему ни давала —
Человеку все мало, мало!*

Е. Буравлев

Человеку нужно
МНОГО:
Друг надежный и дорога,
Луч звезды
В крошечной мгле.

Человеку нужно
МАЛО:
Чтоб душа его летала!
Сам пройдет он по земле.

ТРЕТИЙ, НАБЛЮДАЮЩИЙ...

Я видел это:
Близ околка,
Свирепый издавая рык,
В безумной ярости
Два волка
Сошлись за самку —
Клык на клык.

Вблизи,
Сверкая взглядом хватким,
Потертый малый,
С ружьем,
Следил из зарослей за схваткой,
Чтоб победителя —
Свинцом.

Теперь,
Едва где вспыхнут войны,
Мне чудится — невдалеке
Ждет Третий.
Щурит глаз спокойно.
И палец держит
На курке.

* * *

О, как хотелось мне уйти
От этих повседневных улиц,
От светофоров на пути,
От эрудированных умниц!

И я спешу к тебе, река,
Хоть миг с тобой остаться мне бы:
Где стаи птиц, где облака,
Где жадно воду тянут вербы.

И вот, блеснув издалека,
Как будто понял меня кто-то,
Открылась взору Томь-река
Громадой льдин за поворотом.

Как белых птиц несла река,
Движенье вечное приемля,
И стаи птиц, и облака,
На миг присевшие на землю.

В зеленых талых водах — взлет!
Раскованность и наслажденье!
Лечил мне раны ледоход —
Река несла таежный лед
И вмерзшие в него коренья.

И вдруг исчезли берега,
И даже русло изменилось:
Коснулась сердца Томь-река,
И сердце радостно забилося!

* * *

Вся в мелях, островах и перекатах,
Где зелена, где пеною бела,
Звенит река у запаней в канатах,
Стремясь порвать их, словно удила.

Но сумрачный декабрь коснется зыби —
Дохнет крутым морозом. И тогда
Найдут таймени поуютней глыби
И станет льдом зеленая вода.

Ей будут сниться катера и баржи
Да блики солнца в молодой волне...
Есть много рек раздольнее и краше,
Но Томь — всех ближе и роднее мне.

МИШКА ШЕВЧУК

Мишка Шевчук
Был талантливый малый.
Так бил щелбан,
Что трещал мой калган.
Он не прощал никому,
И бывало
Мама кричали ему:
«Хулиган!»

Только он не был
Нечистым на руку.
Слишком суровым и важным? —
Шалишь!
Просто ему справедливость, как мўку —
Всунули люди —
И не убежишь.

Где-то споткнешься, шутиливо слукавишь,
Где-то, невольно, в чем-то солжешь,
Из-под афиш, из-под снега, с-под клавиш
Мишкин летит в меня взгляд,
Словно нож!

Эники-беники, ели вареники,
Цурки и палки —
Шумим, беготня —
Первоискателем, мудрым астеником
Мишка всю жизнь
Глядит на меня.

Эники-беники, ели вареники —
Как вам теперь
Заработанный хлеб?

Кто в Галилеи,
А кто-то в Коперники,
А Мишка Шевчук — судьёй на земле.

**К СЕРОМУ КАМНЮ СКЛОНЮСЬ
ГОЛОВОЙ...**

Мама лежит под пожухлой листвой,
Мама лежит под весенней травой.
Мысли мои, как усталые птицы,
Вьются и полнятся болью живой.

Маме вовек не проснуться в ночи,
Хочешь не хочешь, кричи не кричи.
Боже мой, как беспробудно ей спится!
Дождь, словно сын запоздалый,
Стучится...

Режут турбины простор голубой.
К серому камню склонюсь головой.
Как же могло вдруг такое случиться —
Я никогда не успею домой...

Заросшие густой травой могилы.
Отец и мать. И детство здесь мое.
Теперь не скажет мама: «Сема, милый,
Вставай, сынок. И в школу мы пойдем».

От этого мне некуда подеться.
Ведь начинался с этого рассвет,
И спрашивал я: «Есть кусочек хлебца?»
И мама часто говорила: «Нет».

Потрескалась и лопнула ограда
И деревце какой-то бес сломал.
Относится к своим делам прохладно
Кладбищенский солидный персонал.

Мы с дядей рвем траву. «Вот так задача!
Ты — далеко. Кому же убирать?»
В тюрьму ему носила передачи
Моя доброжелательная мать.

Он реабилитирован и важен,
И пенсия назначена ему.
И воевал он хорошо, отважно,
И он ко мне, как к сыну своему.

Мы с дядей пьем вино недорогое.
Он наливает. Дрогнула рука.
«Да, трудно жить с такою вот душою —
Душа у Нины слишком широка...

Ведь умная, а прожила так мало.
Да, жизнь есть жизнь» — вздыхая,
от твердит.

Ну почему так тяжело, устало
Ворочается сердце и саднит?

* * *

О, тоска людская!

Господи, прости,

Много ли

Я знаю.

Много ль понимаю

У тебя в горсти?

* * *

О, сень! О, синь! Осень.

Посеребренная природа
И отчужденности ледок.
Осенний отблеск небосвода —
Как ты загадочен, глубок!

И осень, только начинаясь,
Своих пускает сизарей.
И сентября тугая завязь
Чуть розовеет на заре...

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

*«...как был он сладок и насколько горек,
действительный, а не архиеный мёд».*

Я. Смеляков

Он сыном был земли, не неба,
Смотрел, насупившись, вперед,
Он цену знал строке и хлебу
И знал, почему житейский мёд.

Был Мастер честным и открытым,
И отступали бодрячки,
Когда неблётким победитом
Сверлили острые зрачки.

Не задевал он всеу Бога,
Не раздавал пустых похвал.
И все своими — жестко, строго —
Он именами называл.

Все отмечал душой поэта:
Субботники и стенгазеты,
И оловянный блеск шуги;
От слушал, плечи чуть сутуля,
Ветеринара из Тисуля
И инженера из Юрги.

Те дни сегодня в удаленье,
Но живы до сих пор слова:
Он говорил: «Стихотворенью
Даны высокие права...»

* * *

Ваше благородие Дорога!
Глубоко расположилась ты.
Начиналась с отчего порога,
А ушла сквозь смертные черты.

Мне сказал старик: «Да ты в уме ли —
Что ты мысли прячешь между строк?
Ведь сосуды в человечесем теле —
Есть начала жизненных дорог.

Есть начало, а концов не видно.
Прятать мысли — просто ерунда,
Если в нашей глубине транзитной
Протекает кровь, а не вода.»

1974

ИЗ СРЕМНИНЫ
БЕСКОНЕЧНОЙ

Исторические стихи, стихи о литературных персонажах, поэтах, исторических личностях написаны в контексте времени, ни в коем случае не как исторические очерки или упражнения на заданную тему, поэтому я решил оставить их в одном ряду с лирическими стихами, не выделяя их в разделы.

Некоторые украинизмы и другие сленговые формы вошли в тексты не случайно, а потому что они родственны или созвучны старославянским или бытующим в России, в Сибири народным выражениям.

Думаю, что лирика должна органично сочетаться с эпикой и фольклором...

* * *

*Вдруг показалось, что земля — пустыня,
Стою, пещерным мраком окружён.
Я — древний человек. Забыто имя.
Я — древний человек. Огонь зажжен.*

*И проступили звезды в небе ясно.
Я научусь по звездам путь искать.
И что неотвратимо и прекрасно:
Любимой губы нежно целовать!*

ОСЕННЕЕ

Щемящей грустью полнятся поля
И все прозрачней кроны у деревьев.
Мотивам деревенской песни древней
Задумчиво внимают тополя.

Земля просторней стала, обозрима,
Темнеет в речке быстрая вода.
И так спокойно,
Так неотвратимо
Все ближе, ближе, ближе
Холода.

ИЗ СТРЕМНИНЫ БЕСКОНЕЧНОЙ

Владимиру Матве

Старинный сруб...
Глубинными глазами
Глядят колодцы в ясный день и хмарь...
Быть может, воду жадными глотками,
Припав к ведру, пил загнанный бунтарь?

Покрыты мохом вековые бревна,
А вниз взгляни — на них наплывы льда,
И ртутью блёсткой в темени неровной
Колышется и шепчется вода.

...О чем? О том, как пальцы старовеера
Двумя перстами осеняли сруб
За то, что охлаждал он пыл безмерный,
Тот фанатичный пыл горящих губ?!

Сквозь синий сумрак что-то шепчут травы...
На дне колодца блики облаков...
В той стылой влаге дремлет полноправно
Земная сила дедов и отцов.

И чудится:
Чуть загустеет вечер —
Не звезды над колодцами блестят,
А люди из стремнины бесконечной
В зрачки колодцев пристально глядят.

И этим взглядом навсегда просвечен
Старинный сруб в день судный, в час крут
Омоет род усталый человечесий
Живую родниковую водой.

ЗВОНАРЬ

Бьет колокол. Угрюмый, вечевой.
Бьет колокол неистово, без страха.
Над площадью. Над крепостной стеной
Летит по ветру звонаря рубаха.

Звонарь молчит. Ему ли говорить —
Коль в медной глотке бьет язык тяжелый!
Горит Россия. Широко горит
Застенный город. И далёко — села.

Грохочет медь: к оружию, народ!
Не пригибайтесь перед темной силой.
И колокол неистово ревет,
И вздрагивают отчие могилы.

Звонарь — греми. Звонарь, с размахом — бей.
Уже свистят над ухом вражьи стрелы,
А бунчуки — хвосты степных коней
Летят по переулкам обгорелым.

И хан въезжает в город: хмур и яр.
Башка трещит от колокольных песен.
И восклицает вождь степных татар:
— Всех порубить! А звонаря — повесить!

Кровавый всплеск в глазах у палача.
Помост скрипучий. И веревка в мыле...
И в мертвых пальцах плакала свеча.
А утром — вновь колокола звонили!

И восставали из немых полей,
И шли на зов невиданные силы.
И вешали владыки звонарей,
Хребты ломали и кнутами били.

Но смельчаки — пусть участь их горька, —
Однажды рухнув, встают из праха.
И словно парус мчится сквозь века
Навстречу бурям звонаря рубаха.

ФЕВРАЛЬ

Его метели укачали:
Собачья жизнь —
Забот — не счесть!
На люке от теплоцентрали
Пес греет трепаную шерсть.

Рассвет окрасил небо алым.
Ветра! Шапчонку — удержи!
Встают притомские кварталы,
Дыханье красит этажи.

Куржак в троллейбусе, —
Не иней,
Гремит он словно шарабан.
Метель полощет в краске синей
Лепные лики горожан.

И вдруг ,
В метельной круговерти,
Зажжется кровь —
Куда углю!
Увидев как девчонка чертит
На окнах алых:
«Я люблю...»

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Я б этот путь вовек не славил,
Да надо ж так: заглох мотор.
Смеются девки: — Это дьявол
Бензин до капельки упёр.

И ты мне с вызовом сказала:
— А ну, залетный, выкуп дай.
Зрачка отточенного жало
Вонзилось как бы невзначай.

Плеснулся звонкий смех водицей,
В лицо ударил ветерок,
Взлетел багряно-красной птицей
Старинной росписи платок.

Ах, нынче праздник, и немалый —
В зрачках твоих шальной огонь!
Душа рванулась, как стоялый,
Постромки оборвавший, конь.

Метель мне в душу залетела,
И нет путей, и нет дорог.
И виден только в поле белом
Багряно-красный твой платок.

СВЕТЛЯЧОК

А. Д.

Этой ночью в Люксдорфе
        пришел светлячок к тебе в полночь.
Из ладони твоей
        поднимался зеленый рассвет.
Улыбнулась ты мне,
        прошептал я: «любимая...», помнишь
Твои губы моим
        прошептали: «любимый...» в ответ.
Темноту за обрывом
        качает суровое море...
Как теплы твои руки,
        как рядом большие зрачки!
Неужели у нас тоже
        мелочь любовных историй
И солгал светлячок
        из твоей полудетской руки?

Восходит лето. Расцветает
На щедрых солнечных лучах,
Но где-то, невдали от мая
Горит сентябрьская свеча.

На елке — рыжие иголки,
В зеленых прядях — желтый лист,
И сердце колет тонко-тонко
Холодных капель мягкий свист.

Вот распустились все бутоны,
И сочно розы разлеглись —
Но чувствуешь, как неуклонно
Спокойно холодеет высь.

Темна вода, сады румяны.
Озябшая шуршит листва.
Все дольше по утрам туманы
Томят речные острова.

В переулке моем, где ходили отец мой и дед —
Нынче новый асфальт и неоновый матовый
свет

Сухопарый турист бьет носком
своих модных штиблет

Сухопарый турист бьет небрежно ногой
в парапеты

«Не-кра-си-во», — твердит, улыбается,
курит, грустит

Молча смотрит в асфальт неулыбчивый
вежливый гид

«Раньше тут был булыжник,
в камнях серебрилась луна

— Я здесь был, — поясняет турист: —
на последней война»

И охотно о том говорит, как
в «Люфтваффе» летал

Как был молод и зелен, не ведал за что
воевал

Он грустит о романтике юности давней, своей
Гид молчит. Мы и так понимаем. Нас трое
парней

«Тут у Тольки отец был убит.
Ты не помнишь, солдат?»

«Я был летчик, летал на большой,
на большой высота!

Он глаза опускает. В руке сигарета дрожит.
По асфальту шагает за ним неулыбчивый гид

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОЧЕРЕДЬ

Валерию Булаеву

Ленинградская очередь!
Ты меня не гони.
Та, блокадная очередь,
Душу мне сохрани...

Осени меня, очередь,
Взглядом сумрачных глаз,
Я спрошу нынче ночью:
— Кто последний из вас?

Мне негромко ответят,
И пойму я тогда —
Чем глаза эти светят
Сквозь метель,
Сквозь года!

Я запомню все прочно,
Я навек сберегу:
Цель людей темной ночью
На декабрьском снегу;

А она все короче...
Все дальше те дни...
Ленинградская очередь!
Душу мне сохрани.

Срубили на проспекте тополя.
Проспект Кузнецкий шире стал, просторнее
Но долго выкорчевывали корни,
Как будто не пускала их земля.

И видел я в один из вечеров:
Как странники в ночной степи — покорные
Сидели люди около костров,
Сжигая тополей большие корни.

Земля и камень. Улица гола.
Деревьев новых узенькие тени.
Срубили на Кузнецком тополя,
Не пощадили улицы Весенней.

* * *

Памяти В. Мартемьянова

Рыданье летчиков...
Ты видел или нет?
Когда глаза наполнены слезами
И молча улыбается портрет,
Оправленный бумажными цветами.

Пусть скорость
Многократ сильнее нас,
Но на каком-то внутреннем пределе
Мы грудью рвем намеченные цели
И в землю входим, не смыкая глаз.

КИЕВСКИЙ ДОЖДЬ

Слышал ты, как кричат поезда на рассвете,
Когда серый туман растворил звонкий путь?
Положи в чемодан том стихов, сигареты
И рукою махни: ну, пока, не забудь!

Как вкусна у старушек сметана из кринки,
Огурцы покупаешь, жуешь и молчишь.
Ну, а если сегодня, в предутренней дымке,
Уплывает твой город в мерцании крыш?

Уплывают каштаны, мелькают ракиты,
Ну а ты напряженно чего-то все ждешь...
Дождь стучит по «Софии»,
По крышам и плитам,
Ты на добрых мечтах и надеждах воспитан,
Так возьми, увези этот киевский дождь!

* * *

Осенний день.
И первый снег целует
Грудь женщины
На цирковой афише
И, кажется, волнение поднимает
Высокую и молодую грудь.

В такой вот день
Не знаешь, что поделаться:
Пойти в обнимку
С молодой вьюгой?
Нет, в цирк пойти!
. . . . .
А цирк уже уехал...

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

Тут другие законы.
Но книги есть в библиотеке.
Аккуратность во всем.
И почти санаторный уют.

И никак не пойму:
Почему эти девушки — зэки?
Поясняет начальник:
— Амнистию всем не дают.

Тут другие законы.
И все-таки, все-таки, все же
Словно в кухне домашней
Шкварчало на сковороде

Бычье сердце.
И профиль, похожий до дрожи,
Профиль! Женский витал
В синих сумерек тусклой воде.

Тут другие законы.
На тумбочке — бюстик поэта.
(Кто-то дерево портил —
Похож он кудряшками лишь!)

А девчонка его обнимает
рукой неодетой:
«Тут у нас мужичок он один —
Чё так странно глядишь?!»

И она говорит:
«Да, конечно, у нас не малина.
План пошива дают
Чтоб в работе нам все позабыть...»
И сверкает в окошке
Луны равнодушная мина.
И вот эту тоску
Запрягают в суровую нить.

Тут другие законы.
И все-таки, все-таки, все же
Отпусти-ка, начальник,
меня поскорее домой.

Это сердце быка
С человеческим схоже до дрожи.
Эти взгляды ЗэКа
Ощущаю своею спиной.

ТОЛПА

— Пробиться. Пробиться! Пробиться!
И каждый об этом кричит.
— Мне двадцать. — А мне уже тридцать!
Пустите, я — инвалид!
— Пустите, хочу в стюардессы.
(Улыбка — блестящий оскал).
— Пустите, я — чудо-невеста,
Готовлю паштет «интеграл».

Сверкают глаза, как двустволки,
Вращаются бедра — азарт.
А этот — похмельный и колкий,
Укропа и тыкв — Бэнапарт:

— Пожалуйста, граждане-люди,
Купите, хороший народ.
Сам ростил. От вас не убудет,
А мне на похмелку сойдет.

Пробиться. Нажраться. Напиться.
И, скушав на третье компот,
Себе самому удивиться:
«Куда ты спешил, обормот?»

ГРИВНЫ

*По старинному обычаю покойнику
кладут на глаза медные монеты.*

Разошлись. Развелись. Разбежались,
Но какие-то нити остались.
И она все приходит, приходит:
Дни рождения, тризны находит.

Дни рождения, тризны, крестины
То дочурки, племянника, сына.
То покупки. А то — выкрутасы:
Подрастают сыны-лоботрясы.

Свадьбы — чьи-то. Женить бы. Обиды...
Вот встречаются мрачные с виду.
Вот встречаются, как поросята.
Уж не ясно: что глупо, что свято.

А он думает медленно, цепко —
Что окончилось знойное лето,
Что уходит и женская осень:
По вискам пробивается проседь.

Собирались года в луч морщины.
Время рубит любые лесины.
Под пургой его гнется лоза —
Может, гривны опустит в глаза...

Все потеряю —
Женщину и свет.
Пойду на мрак кромешный
В одиночку.
И вдруг забрезжит
В моем сердце строчка,
Как из фольги —
Искусственный рассвет.

Все прокляну —
Проселок и паркет.
И вдруг почую,
Как кромешной ночью
Восходит стебелек
Из многоточья
Зеленою ладошкой
В божий свет.

И вдруг пойму:
Апрелю — ноябрю
Не совладать
С разбуженным движеньем —
Восходит из души
Стихотворенье.
И вновь из тьмы —
Я землю сотворю.

УЛИЧНОЕ

«Зверинец, мама, перевозят!..» —
Мальчишка весело кричал.
Молчи, малыш, — ты видишь грозно
Винтовки держат «персонал».

Молчи, малыш, — ты видишь — ли
Видны из клеток. Не кричи.
Конвойный вяло матерится.
Не надо, мальчик, помолчи.

Овчарка держит уши кверху,
Конвойный — палец на курке.
А мальчик тянется к барьеру
С зеленым леденцом в руке.

* * *

Вот изморозь шпалы покрыла,
В реке холодеет вода,
И в небе надолго застыла
Замерзшая в полночь звезда.

Вот стая на юг потянулась,
Крича над полями с утра.
Как горько ты мне улыбнула
— Ну вот, и прощаться пора.

* * *

Приближалась весна. Ледяная капель
Крупным веером сыпалась в кружева улиц.
Сквозь февральскую стужу взывала метель:
«Запретить, указать, чтобы не было путаниц».

Веселели дома. На добротных мостах
Шевелилось литье — индевелость сползала.
Хорошело житье. Улыбалась впотьмах
Покосившейся вывеской рожа вокзала.

Ну а мне в лихотке растроченных дней —
Улыбнулась весна возле Мойки открыто;
Укротители дружно держали коней —
О, мой Аничков мост!

О тебе не расскажешь петитом.

Но вторая весна ожидала меня
На скрещеньи кузнецких завьюженных далей;
Не давала в рассрочку — ни ночи, ни дня,
В индевелой тайге кандыки* подрастали...

Ну, а третья — влетела, толкнулась: —
Ну, что?

Возраст твой — это возраст любви
и свершений —

И я понял — нельзя разлучаться с мечтой,
Потому, что счастливый я —
Я — трехвесенний.

---

* К а н д ы к — сибирский подснежник.

МОСКВИЧАМ

Да куда они денутся
Без этих хаток?
Без бараков, копров,
Без Анжерки с Юргой?! —
Ведь отсюда и уголь идет,
И солдаты,
И сибирский народ
Что ни есть коренной!
Потому-то всего
В три часа с половиной
Самолет долетает сюда из Москвы:
Чтобы связь была прочная, как пуповина.
Чтоб московский бутуз видел мирные сны.

ИММУНИТЕТ

Привык свою жизнь измерять я трудом
и заботой.
А горе свое забывать перед горем людским.

Стремительность жизни смирять самолетным
отлетом.
Стремительность мысли размером строки
записным.

И город, обвитый плюмажем куржацким,
мне дорог.
Промышленный город в жестоких мороза
тисках.

Здесь каждой травинкою борется каждый
пригорок —

Не лучше ль у моря в обвитых лозою домах?

И если бы не понимал или был альтруистом, —
Но нет — все означено — сам направляя
я шаги.

По-видимому, мне проведена специалистом
Прививка на сердце как щит от свирепой
пурги.

ВЛАДИМИРСКИЙ СОБОР

Владимирский собор в лесах...
Как в детстве. Аж мороз по коже!
Не вспоминая все божье
Гляжу на купол в небесах.

За мной клубится синь дорог,
О, как давно я дома не был! .
Над головой — родное небо,
И купол неба — так высок!

Там Врубелевский Гавриил
На Страшный суд всех созывает,
И трубный глас его витает
Под шелест голубиных крыл.

Я бога не ищу впотьмах.
Я знаю — Врубель — это гений.
Шатаются деревья в тени.
Владимирский собор в лесах...

*Устал я и недаром
Ушел в молчанья грот,
Чтобы девятым валом
Не сбило мачту-грот!*

(Из раннего)

Вдали от бури и ненастья
Я, запланированно, счастье
В одной общаге получил.
Довольно мне по свету шляться,
Корпеть мне надо, упираться, —
Так как-то, разом, все решил.

Снял я сержантские погоны
В земле сибирской, неуклонно
Решил науку постигать;
И, изучая медицину,
Надел себе на сердце схиму,
Чтоб лучше «корпорэ»* узнать.

Узнал, что кровь течет в сосудах,
Что нервы есть у нас повсюду,
И в ухо сунул стетоскоп, —
Но как не слышал, как не слушал,
Увы, я не услышал душу,
Как будто вслушивался в гроб!

Да, понял я: не в этом счастье —
Смотреться в книги, как в причастье:
Жизнь нужно жизнью постигать! —
Все медицинские законы — поводыри,
Но жизнь — бездонна,
Свой парус нужно поднимать...

---

* Корпорэ — тело (латынь).

ФРАНСУА ВИНЬОН

Эй, ФРАНСУА,
Все части света:
Юг, Север, Запад и Восток
Собрались в кабачок Перетты:
«Школяр, скажи нам пару строк!»

И вдруг из глубины рассветной,
Из фолиантов, древних книг,
Как зайчик солнечный приветный
Школяр воинственный возник.

И голос был:
«В житейской браге —
Фемида! Где твои весы?!»
На перекрестке у бродяги
Глаза небесной бирюзы...

Но сердце не сдавила жалость
За собственный пустой кошель, —
Когда вино язык шатало,
Братва смеялась и ругалась,
А рядом нежно улыбалась
О, Катарина де Воссель!

* * *

Вот опять
Сменила зябь покосы,
Мчатся дни
Породою в отвал.
Вот и я впервой
При слове осень
Медленно задумываться стал.

И как будто рано
До кручины.
В летнем небе —
Нет журавлей..
Только сердце стынет,
Как суглинок
Скошенных желтеющих полей...

Вадиму Гордюте

Рыжеют, желтеют каштаны...
Знать, осени близко пора.
Но зелени много. Чуть странна
Туманная зябкость утра.

А полдень — так жгуч и прекрасен,
Как женщины юной любовь.
Но холод всплывает неясный
В веселую летнюю кровь.

Под утро в дыхании белом
Встает над тобою звезда
И чувствуешь всем своим телом,
Что скоро грядут холода.

Но ржавые листья каштанов!
Для сердца больней и больней!
Как это печально и странно,
Что рано теряем друзей,

Что рано теряем любимых...
И пряди опавшей листвы
Усеяли необратимо
Гранитный узор мостовых...

ШАХТЕР

*Семье Долговых
из г. Ленинска-Кузнецкого*

И вновь я вижу, как декабрьским днем
Шахтер приходит к райвоенкомату.
Толкует там про уголь,
Про заём
И просит в бой послать его, в солдаты.

Он требует. Он просится туда, —
Где выюга ходит по шинелям серым.
Куда идут большие поезда
И вновь в Кузбасс несутся за резервом.

Три сына у него
На трех фронтах.
Три телогрейки в доме опустели,
Да похоронки две на образах,
И в сердце посвист
Бешеной метели.

ЗИМНИЕ ПОХОРОНЫ МАТЕРИ

Этот холод проклятый
Ледяных площадей.
Равнодушные взгляды
У прохожих людей.

Душу вышибло штормом!
Можешь пить или петь —
Мать тебя не покормит
И не станет жалеть.

В этом ящике грубом
Маме вечно лежать
И сковала ей губы
Ледяная печать.

Тишина. И сквозь зубы —
Горлом стон у мужчин.
Пляшут заступы грубо,
Хлещет грунт на сатин.

Трафаретность объятий.
И надгробная речь.
Мир таежный, косматый
Мне себя не беречь.

Мне себя не лелеять.
Пусть навеки мой дом.
Мать лежит ледения
Под январским снежком.

АРБУЗ ИЛИ ЗЕМНОЙ ШАР?

Охаянный и в малом, и в большом,
Весь в шрамах рыжих и затрещинах.
Его частенько били сапогом,
К нему приценивались женщины.

Арбуз, арбуз... Звенишь в моих руках.
Зеленый мир не хочется мне резать.
И почему-то страшно: на ножах —
Вдруг, струйкой кровь, а не тугая свежесть.

Тебя разрежут смачно по куску —
На каждый рот. О, не глотайте, люди!
Земля от крови пьяная в бреду
Лежит на синем выщербленном блюде.

ПОЭТ

В осенний день, за журавлиным цугом,
Ушел ты навсегда в небытиё.
Всё позади: аплодисменты, ругань,
Штрафбаты и застольное питье.

Всё позади: прорабские расчеты,
И строчек поэтическая вязь,
Всё позади: блокноты и банкноты,
Всё позади — и с недругами счеты;
Любовь, любовь, с тобой исчезла связь!

Сегодня — годовщина. В эту память
Посмертный заступил на вахту год.
К тебе друзья поехали с цветами,
Издатели, писатели, народ.

Прибудут те, кто распускают сплетни,
Иным — лишь повод выпить — знаешь ты.
Вот потому на твой приют последний
Я не поехал, а послал цветы.

И пусть они под кемеровским небом
Взирают на проемы в облаках...
Летит Судьба. На шлеме острый гребень.
Любовь и гнев в расширенных зрачках!

ГОСПОДНИ ВРАТА

Я винтиком был у системы:
Вращался, сверкал механизм.
Я верил в парады и схемы
И маршировал в коммунизм.

Вилась серпантином дорога —
От Владика и до Чечни,
А вы рассуждали о Долге:
— Потуже ремень затяни!

Обманут. Отравлен. Оболган.
И колет мне ноги стерня...
А вы вновь твердите о долге:
Чернобыль, Афган и Чечня.

И вот невеселый, не первый
Стою у распахнутых Врат:
Отдайте мне, ушлые стервы,
Мой

синий

доверчивый

взгляд!

МАМЫ

Евгению Буравлеву

За обветренными просторами,
Незаметно для вас, матерей,
Стали взрослыми, стали саперами
Двадцать пять сибирских парней.

Пишет мать: «Берегись в непогоду
И начальников слушайся, сын».
Он же был командиром взвода,
Обучал двадцать пять мужчин.

Мамы ждут, как все матери искони.
Год кончается, пятый, восьмой...
И слезами — синими искрами
Светит хлопцам дорога домой.

ПОЭТЫ

В грудь колотил. Стенал. И тихо плакал:
«Ну помоги, ведь знаешь — я поэт.
Пишу верлибры. Знаю Пастернака.
И, наконец, мне очень много лет...»

Но отвечал сурово, непреклонно,
Ему один усталый человек:
«В поэзии нет общего закона,
Здесь все законы — прошлогодний снег...

И если ты поэт, твой путь — прямая, —
Бикфордов шнур — меж вздыбившихся скал!
Теперь ответь — быть может, я не знаю:
А Лермонтову кто-то помогал?!»

БАБИЙ ЯР

Падают листья осенние,
Падает, кружится снег,
А с пьедестала вне времени
Падает человек.

Августы вслед за июлями
Мчатся, касаясь виска;
Весь изрешеченный пулями,
Воздух хватает рука.
Рядом застыли товарищи.
Мерно строчит пулемет.
В мареве и в пожарище
В сорок кровавый год.

Новые листья рождаются,
Снег превращается в лед.
Женщина, вскрикнув,

шатается,

Мерно стрижет пулемет.
Кухни дымятся походные,
Шнапса ефрейтор глотнет.
Смерив глазами холодными,
Мушку чуть-чуть подведет.

Выберет позу удобную
(Язва в желудке так жжет)!
Так, словно клавиши пробуя,
Мягко гашетку нажмет.
Падают в яму огромную
Август, сентябрь, июль.

Дедушки, бабки, влюбленные
Вновь оживают от пуль.

Голые люди сгибаются
И выпрямляются вновь.
Песня свинца не кончается,
Геплая капает кровь.

Падают листья осенние.
Падает, кружится снег.
А с пьестамента вне времени
Падает человек.

ХЕРСОНЕС!

И. С. Козловскому

Воздух твой я вдыхаю всей грудью.
Море дарит мне свежесть свою и прохладу.
Вот земля и вода.
Грозной высятся сутью
Над седой стариной,
Созиданьем. Распадом.

Восставали из пепла гигантские стены,
Штурмовали их дерзкие
Скифы и гунны,
И нацисты здесь смерть
Обрели в море пенном,
А вокруг, а вокруг — лишь седые руины.

Нет здесь стел-обелисков,
Цветов, назиданья,
Нет покрашенных
И лакированных истин.
Крест огромный и колокол.
Скалы страданья.
И прибоя могучие мерные гимны.

1965 г.

МОНОЛОГ СТАРОГО МАТРОСА

Море — оно живое,
Дышит оно — понимаешь? —
Смотри: Млечный путь
огромные
Руки в мольбе заломил.
Матросскими бескозырками
Море не исчерпаешь
И берегом не удержишь
Шторма свирепый пыл.
Море с улыбкой детской
К мужеству призывает —
Этот задор не зыбкий —
Море — настой сердец.
Медленно сердце матроса
На дне океана тает,
Мужество переходит
В синий тревожный блеск.
Вот откуда ночное
Свечение у лиманов,
Вот откуда прибоя
Вечный свирепый рев.
В реве прибоя слышишь
Скрип уключин корсаров?
В пене прибоя видишь —
Головы моряков.

Лунная дорожка
В море серебристом.
Может, слишком много?
Может, слишком чисто?
Нет ни мин, ни взрывов,
Вражьих перископов,
Весел торопливых,
Каторжной работы.
Лунная дорожка
В море серебристом...
Может, слишком много?
Может, слишком чисто?

Осколками, обломками судеб
Сбит с ног. Но я ушел
  из зланных мест.
И вот стою, жую обычный хлеб
В старинном месте — город Херсонес.

Здесь строгие такие небеса.
И величаво-древний шепот волн.
Закрытой церкви мертвые глаза
Как будто выглядят дальний челн,
Который принесет к ней рыбака,

А безъязыкий колокол молчит..
И жутко, сквозь прошедшие века,
Наскальный христианский крест
  кричит
Холодной стоязыкой тишиной..,

Но чудится — хоть замурован вход
В день штормовой
Бьет колокол морской
И церковь моряков прихода ждет.

1965 г.

ВОСТОРГ

Захлебнулся небом.
Подожди немножко
Убегаю в море
По солнечной дорожке!
К чаше солнца
Припадаю ртом,
Выпиваю солнце —
Никому ни крошки,
Выпиваю море
Жадным ртом.
Как люблю я эту
Поступь скал! —
Черт возьми поэтом
Я сегодня стал.

Сквозь шумок транзисторный,
Сквозь моря плеск
Восстает сказочный
Древний Херсонес —
За белой скалою
Белая скала,
Гудят безъязыкие
Ко-ло-ко-ла.

* * *

*На бляхах фашистов
была надпись: «С нами бог».*

На крутом берегу
Церкви древней руины
Стены тут берегут
След тарана и мины.

Вместо риз да икон —
Знак фашистского ада:
Крест наскальный продлен
Попаданием снаряда.

И зияющий крест
Грозной высится новью
Словно божеский перст
Над всеядной любовью.

Оттиском Средневековья —
Каменный на скальный крест.
Пахнет порохом и кровью
Крам твой древний Херсонес.

Иудится, сейчас владыка,
Подойдя к святым дарам,
Многая лета иль тризну
Проревет на божий храм,

И потянутся худые
Кены бедных моряков —
Берьги, кольца золотые —
В ризницу святых даров.

Моряки пропали в море.
Дерковь, словно кладезь горя,
Бьет в свои колокола —
Море, отдавай тела.

Вдовам обещал владыка:
Море их тела прибьет.
Словно тень с орлиным ликом
Кенщина кольцо кладет.

«Некоторые пушкиноведы считают, что Пушкину, первому поэту на Руси, не следовало бы жениться на Наталье Николаевне Гончаровой, а, по-видимому, — на позднем пушкиноведении... Я, лично, себе такого Пушкина не представляю.»

Б. Пастернак

НАТАЛИ

Уймите, резвые поэты,
Свою безудержную прыть.
Что толку сочинять куплеты
О том,
Как Пушкин мог бы жить.

О, сколько можно
Жадным взглядом
Искать в сгустившейся пыли
Интимную деталь наряда
Жены поэта
Натали?

Уймитесь, ратоборцы славы —
Вам все б узнать,
Вам все б решить!
Ведь мог же Пушкин
Боже правый,
Дантеса тоже застрелить...

Там — больно.
Больно. Не ходите.
Там гладит кудри Натали.
Уймите прыть своих открытий,
Застыньте бережно вдали.

МОЙКА, 12

Д и п т и х

I

Я побывал у Пушкина в гостях
на той последней, роковой квартире,
в потустороннем и музейном мире,
где счастье в долг, где гибель — на паях

Как странно: все спокойно, тишина.
Старушки вежливы, приятен гардеробщик.
Таким покоем комната полна...
А был он бунтарем, квартиросъемщик!

Он лишь четыре месяца жил здесь.
Здесь — неудачи, глупость, ревность, враки,
здесь под угрозой и семья, и честь.
Приюта нет — как бешеной собаке!

И вновь стихи, стихи, стихи, стихи —
а в сердце боль — от края и до края.
И вновь долги, долги, долги, долги —
вот купчая, вот вексель, закладная!

Долг пред прислугой... Долг перед купцом.
Сто сорок тысяч! Жёнка молодая!
А надо быть супругом и отцом...
Расписка, вексель, снова закладная...

При всем при этом страшно ощущать,
как полон мир неимоверной муки —
сам император, божья благодать —
к твоей жене протягивает руки.

Долги отдал. Молчите, должники!

Ведь ваши дети

Пушкина читают.

Он жил здесь. Он живет. В конце строки:
не точка от дантесовеской руки,
а пушкинскую кровью — запятая!

Я побывал у Пушкина в гостях,
в последней, перед Вечностью, квартире —
в потустороннем и музейном мире,
где счастье в долг, где гибель — на паях.

II

Все как положено:

В последнем ритуале

здесь не нарушен вовсе этикет.

Посмертной маски оттиск

в первом зале —

здесь принял смерть

Великий наш поэт.

Закончен круг,

завершена орбита,

летят по миру вещие стихи.

Здесь есть молчанье,

темень в ранге крика,

и две журнальных

подленьких строки.

Здесь Пушкин жил
последние минуты.
Морошку ел из рук своей жены.
Все правильно.
Все правильно как будто!
И... тихим гневом
здесь углы полны.

ЛОКОН ПУШКИНА

Локон А. С. Пушкина,
как ни странно, рыжеватого цвета.
Хранится в музее на Мойке, 12

В ночной тиши,
Густой и молчаливой,
Все ближе предо мною предстоит
Поэта локон с золотым отливом
и Мойки запылившийся гранит.

Вот этот локон
В смертные минуты
На Черной речке тоже побывал
И видел гибель
В том конце маршрута
И видел он трагический финал.

Его Никита бережно отрезал,
Тургеневу на память передал.
И локон больше ничего не ведал —
Он в медальоне у него лежал.

Теперь лежит опокойно, величаво
В музейной, очень чуткой тишине,
Свидетель и погибели, и славы, —
Он чувствует выстрел
Где-то в глубине...

* * *

«Воды в Одессе не бывает...»

А. С. Пушкин

«Воды в Одессе не бывает» —
И это — двести лет назад
так было, —
Есть! Никто не знает,
что здесь есть рай,
а рядом — ад.

А Пушкин говорил в Одессе
Амалии в тиши ночной:
что жизнь не может быть здесь пресной —
веселый Пушкин,
холостой...

* * *

А было мне
Запомнить их дано —
Твоих веселых улиц
Позывные:
«Одесса, мне не пить
Твое вино
И не утюжить клешем
Мостовые...»

ОДЕССА — ЛАСКОВАЯ МАМА

Повторяются липы намокшим асфальтом,
Провода, указатели, вспышки реклам.
Где-то песенка льется и бархатным альтом
Зазывает прохожих к увядшим цветам.

То порывисто осень, то медленно, мягко
Наступает, чтоб город прохладой обдать.
Сонно. Вяло. Одни светофорные маки
Все цветут и цветут, не хотят увядать.

Свежий ветер лихачит у речки на скате.
Прилетел он хозяйничать, а не гостить.
Мы идем по проспекту — развернутой карте,
Беззаботно смеемся, хоть время грустить.

Гонит к дому погода шальная, сырая.
А в проулке, где тихо и света поток,
Проявилась двускатная крыша сарая,
Как старушечий, в желтых листочках платок.

Еще будут и звезды и поздние яблоки.
Их со смехом и хрустом ребятишки съедят.
Будут новые осени, правда ведь, бабушка, —
На платочек твой новые листья слетят...

ОДЕССА

Над Хаджибеевским лиманом
Осенний движется туман.
Одесса — ласковая мама.
В душе, здесь каждый — капитан.

Негоцианты, нувориши
И полководцы, и воры
Свои имеют пирсы, крыши,
Свои сокрытые «дворы».

Кого Одесса не качала
На спинах волн за двести лет!
Здесь с рейдом, с гомоном причала
В родстве одесский каждый шкет.

Поэты, жулики, святоши,
Рабочие и рыбаки...
Звенят гроши.

А были — грóши! —
Пошучивают старики.

На терпком, на морском рассоле
Настояны ледов слова.
Одесса — сердце в нимбе боли —
Проста. Сложна. Мертва. Жива!

ОДЕССИТ

Володе Кузнецову

Запахло яблоками, лесом,
А одессит лежит — молчит;
«Вся Молдаванка и Перессыпь» —
Тихонько песенку свистит...

За песни требуя натурой,
Он не терялся там и тут:
Его по всей Украине дуры
Словно восхода солнца ждут.

А он веселый и кудрявый
Заломит молодую бровь,
И выдохнет: «Ну что, шалавы,
Еще сказать вам за любовь?!»

Гитара медленно, враскачку —
Поводит лаковым крылом:
«Вы интересные чудачки,
Но дело, видимо, не в том...»

И по велению этой песни
Причалит к лесу свой баркас
Его веселая невеста
По кличке «Сонька-вырви глаз»!

ОТСТУПНИК

А. Козакевичу

«Если в прошлое выстрелить
из пистолета — оно ответит
тебе выстрелом из пушки.»

(Пословица)

Старый еврей
С идиотской улыбкой
Желтою кожей шафранно светил.
Что улыбаешься
Приторно-зыбко,
Думаешь, что-то я здесь позабыл?

Дом, окруженный
Стеною зловонья,
Стертые лапы
Старинных перил.
Ах, как хрустит
Новый плащ из болоньи...
Чтоб ты сгорел,
Дом, в котором я жил!

Прошрое — в прошлом.
К чему эти лясы?
С прошлым покончим!
Пусть Радость цветет!

. . . . .
Старый еврей
В пижаме матрасной
Сквозь меня смотрит
И не узнает.

«В НАШУ ГАВАНЬ ЗАХОДИЛИ КОРАБЛИ...»

«Хорошая радио- и телепередача, но порою хочется плакать, когда смеются над примитивом. Кому примитив, а кому — судьба, жизнь.»

(Из разговора в одесском трамвае)

Такая нынче передача,
мозги туманит и сверлит:
(Ведь раньше жили мы иначе) —
«И в нашу гавань заходили корабли».

Да, заходили пароходы,
корветы, шхуны в оны годы,
фелуки, бриги и фрегаты
и злополучные пираты.

Мотивчик явно примитивный,
но жизненный и конструктивный,
«ах, времена до перестройки,
когда мы жили на помойке!»

Не надо, радиопираты,
все прошлое считать превратным.
Мы жили-были и чудили,
а вовсе воздух не коптили.

За этой песней — грубой, горькой
тоски и перепутий — столько!
Не ваших глупых перепитий
и издевательских «открытий».

Пускай прошло, пускай минулось —
не надо щупать нашу юность
и говорить: «Мотивчик этот
давно затертый и запетый».

Поймите, это не кокетство —
не надо пальцем щупать детство
и говорить о форме, рифме —
в чужой судьбе — чужие рифы...

АПРЕЛЬ В ОДЕССЕ

Апрель расхлябанно улегся
На тело влажное земли.
Под парусами беспокойства, —
В глазах у женщин —
Корабли.

И мир,
Расколотым арбузом,
Дымится...
Алой кровью пьян.
А капитаны сухогрузов
Людей вербуют в океан.

АПРЕЛЬ В СИБИРИ

Сибирские
Сиреневые сумерки...
Красивая какая тишина...
По набережной
Тихо бродят лирики
И с пьяным
Тихо спорит старшина.

Но воздух — свеж!
В нем дым табачный сладок!
Луна плывет в нем
Желтым леденцом.
Апрель навел повсюду свой порядок.
Вот вспыхнет май
Стремительным огнем!

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ...

(иронические стихи)

Убавились желанья,
Прибавились долги —
Как будто голый в бане
Перед собой —
Не лги.

Достиг великих
Целей?
Прибавилось рублей?
...Эх, ты,
Дурак Емеля, —
Черпай рукой
Ручей.

И —
Нету просветленья:
Замерз наш водоем!
По щучьему велению —
Вот так мы и живем.

НЬЮТОН

Сестре ЕВГЕНИИ

Бродячий кот был назван кличкой «Ньютон».
Он худ, безбожен и зеленоглаз.
И славен тем, что мог без парашюта
Спуститься с крыши — кошкам напоказ.

Кота-бродягу портит жизнь в квартире:
Он по ночам — зеленые круги —
Глаза кошачьи мчатся в сонном мире,
И кошка отказать — уж не могли! —

Он загрызет! Свирепый и когтистый
В парадном нашем этот кот живет,
Без пиджака и киевской прописки,
Разбоем промышляя у ворот.

Грозили самосудом, грозной Будкой,
На мыло б сдать проклятого кота!
Но называет котофея Нюткой
Моя Женюха — родная сестра.

По вечерам приходит кот под двери,
И «докторскую» восхищенно ест;
Потом, являя высшее доверье,
Об ноги трется, оставляя шерсть...

Он бережет сестру от злого сглаза,
От женских сплетен, всяких пересуд.
Паршивый кот. Ходячая зараза.
Любимец кошек и великий плут!

1980 г.

Геракл не стал бы исполином,
Не крал бы Прометей огня,
Коль не шептали бы мужчинам:
— Любовь моя, любовь моя!
Но вот пройдет твоё кипенье,
Остынешь, тросточку возьмешь
И сочинишь стихотворенье
Про седину и длинный дождь.
Наденешь все свои награды,
Утратишь юношеский взгляд,
Но снится в пору листопада
Цветущий яблоневый сад!
А коли сломлена ограда —
То разве мимо ты пройдешь?!
Твои глаза, объятья сада!
Как лунный свет из губ хорош.
Земля родная!
Ты б остыла,
Угасла тайна бытия,
Коль не шепнула Ева:
— Милый!
Любовь моя! Любовь моя!

* * *

Все начинается с Любви,
Все продолжается с Любви.
Так существует Служба Крови,
Где зиждется все на крови.

РАДОСТЬ

Зачем писать обычные письма,
С дежурным сантиментом звать на обед,
Когда без тебя абсолютно лысым
Вползает в комнату декабрьский рассвет?!

Зачем слова кроить барахло,
Словеса растягивать, как ветер парус —
Если тела твоего тепло
Впадает в понятие Радость!

В ЦВЕТЕНЬЕ ЧЕРЕМУХИ

Д и п т и х

I.

Встретились. Забылись. Задышали.
Жизнь раздалась в ширь и в глубину
Как с тобою мы образовали
Тесную телесную волну!

От заката, скажем, до рассвета,
Ни минуты сна в моих глазах!
Мы с тобою разломали лето,
Светлый хлеб,
Дыханьем согретый —
Каравай черемухой пропах.

II.

С цветением черемух приходят холода
В лето июньское раскрашенное.
Восходит в небе Полярная звезда,
Зябким дыханием украшенная.

И холод в поры стремительно входит.
Цветет черемуха — белое море.
Цветет черемуха белым снегом,
Цветет черемуха ранним летом.

Холодная, знобкая красота,
Даже чуть-чуть зловещая.
Цветет черемуха. Закрою глаза —
Цветет белозубая женщина.

УЧАСТИЕ

Мы любим наших женщин,
Но за что?!
Ужель за макияж и педикюры? —
Находим мы участия плечо,
Которое не купишь за купюры...

Люблю у них не глазки, а
Глаза —
Огромные, бездонные и верные,
Пусть иногда блестит
В глазах слеза,
Когда дела идут навывлет скверные!

Когда мои мечты идут ко дну
И вниз меня швыряет что-то подлое, —
И вот тогда не к сладкому вину
Я прикасаюсь взглядом —
К женской гордости,
Я прикасаюсь
                                к нежности
  и твердости —
С. Тобой —
                                я никогда
  не утону!

ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ

(озорные стихи)

О, Женщины — цветы Земли!
Мы любим Вас любовью пылкой;
Вы — звезды в уличной пыли,
Вы — на экране, на бутылке,

На стенке комнаты, в кино.
Вы дарите нам счастье с болью —
Что называете любовью...

Вы расцветаете в июле,
Цветете — даже в декабре!
За Вас идут под нож и пулю,

И в пётлю лезут на заре..
За Ваши взгляды, поцелуи,
За руки, полные тепла,

Летит мужчина —
Ног не чуя —
И женской прядью —
Удила!

* * *

Ты вышла замуж — как в другую комнату.
Ты — рядом, но ужасно далеко.
А я мечтал...
Но выжил я — запомни ты,
Мне кто-то с неба помахал рукой.

За снегом брызнет зелень на опушке,
С ней отогреется моя душа;
Ты отдала любовь, как воду в кружке —
Прохожему доверилась, спеша,

Спеша любить, конечно, БЫТЬ, влюбляться,
А я мечтал все ночи напролет! —
О, как могла так подло рассмеяться,
Мою любовь убить — как птицу влет!

Что ж... Расступились юности туманы,
И я своею честью дорожу,
Я встану, оживу, из пепла встану.
Тебя любить — вовек не попрошу.

А муж?
Ему ли знать о наших встречах?
Но все равно он мимо не пройдет.
И день настанет,
Судный день, и вечер,
Когда в тебе он черноту найдет.

ПРОРОК

Как и всегда он был побит камнями.
Принес домой разбитые очки.
Огонь развел дрожащими руками
И вновь подумал: «Надо в поддавки».

А он не может. Скоро грянет осень,
За нею — фосфорический декабрь.
Словно тиски виски сдавила проседь,
И скоро смерть сдавать предложит скарб;

Что надоела утлая квартира,
И совесть — зубья ржавые пилы,
Что от рожденья до скончанья мира
Борьба идет за теплые углы.

И остывала в котелке картошка,
Сухая, холостяцкая еда.
Потягивалась равнодушно кошка,
По вечерам таким он был всегда.

А ночью ему снилось: на галере
Восстали древнеримские гребцы.
Он среди них. «Ура! Я вижу берег,
А там — друзья. Возьмите же концы!»

Но римский воин со всего размаха
Ударил в спину кованым щитом!
И — вдрызг! Героя белая рубаха.
Ползет он с переломанным хребтом.

Вставало солнце. В розовой пене,
Как льдины, плыли стаи облаков.
Из темноты луч солнца бил нетленный,
И ледоходом оживала новь.

И видел он — в распахнутые окна
врывалась жизнь — космата и гола.
И кто-то говорил над ухом громко:
«Вставайте, граф, великие дела...»

...А космос Мысли — также неизведан.
Загадка человеческой строки! —
Поставьте памятник под беспощадным небом:
Булыжник. И разбитые очки.

«ФИЛОСОФ»

А жизнь течет то тихо, то бурливо.
Но божьей искрой мечен каждый миг...
И знает он, где продается пиво,
философ, мой насмешливый двойник.

В рубашечке навывпуск,
в мятой кепке —
не ранит он девичьи сердца.
В его ладони мятая газетка,
он лысоват. Болтает без конца.

Ему подвластны высшие законы.
Но он захлопнул свой последний том.
И что ему Плутархи и Ньютоны,
когда он ищет нужный «Гастроном».

БАБЬЕ ЛЕТО В СИБИРИ

Пожухли, потускнели травы,
Природа затевает спор.
Рассвет холодный и кровавый,
и горизонт навис — топор!

Повсюду сети паутины.
Но в полдень — зарево рябин!
Так клинья вышибают клином,
так клин рождается на клин.

Так солнце застигает стужа,
улыбку гасит долгий стон.
Березовой листвой завьюжен,
желтеет синий горизонт.

ДОНБАСС — КУЗБАСС

Поезд 195. Одесса—Дебальцево — вагоны старые, разбитые. В 1994 году в 5 раз подорожали продукты. Зарплату снизили в 70 раз.

Донбасс — Кузбасс — тропа покатая.

Вот станция Ясиноватая.

Здесь силикатным кирпичом добротнo сложен каждый дом.

Бульварчик, овощные груды и «Сникерс», пиво и «Дирол»,

купоны шелестят повсюду — счет на миллионы перешел.

Дубки и ясени, каштаны, жовтоблакитный всюду флаг, но ей-же-ей, совсем не странно —

и у людей, и у собак —

все одинаково: Россия

И Украина — все одно! —

Толкучка с бедностью старинной и заграничное вино.

О, наша бедная Отчизна!

Здесь продается все подряд —

и заграничная харизма,

и в смазке новый автомат.

Дывысь, смотри, ходи и щупай —

а пищевой продукт — хорош;

девчат намазанные губы,

шахтера старый макинтош

и, как в Кузбассе, всюду лица — татуированы углем.

Какая к черту заграница!

Здесь лозунг: Одна́ живем!..

ПЕРСТЕНЬ

Лиле

Две серебряных маски на пальце твоём:
это перстень с весельем и плачем.
Почему мы с тобой не остались вдвоем,
почему все случилось иначе?

Но не могут быть рядом веселье и плач,
очень редко случаются вместе.
Так возьми и все это переиначь, —
ведь с тобою заветный перстень.

ДОМ НА ЗАПСИБЕ

Наполнен гоготом и свистом,
Матросским плясом норовистым
Без выкрутасов и затей —
Тот дом всю ночь стонал и охал,
Просторно двигались под кофтой
Копешки девичьих грудей.
Плясали здесь молодожены,
Бригада каменщиц каленых
С бригадой сварщиков лихих.
Здесь по ночам ломились в двери,
Да так, что дворники зверели:
— Ну, достучишься, чертов псих!

В мороз над теплой батареей
Один монтажник с длинной шеей
Здесь слово начертал — «Любовь»
Взбегали на крылечко бойко
Комсорги в стираных ковбойках
И спорили до петухов.

А двери хлопали, скрипели,
Но целовались, как умели,
Джульетты с этого двора.
И тусклых лампочек созвездье
Светило той любви в подъезде
Всю ночь до самого утра.

Но утром, как в атаку роты,
Здесь поднимались на работы,

И уступали им метели,
Они дыханьем домны грели,
Они сердцами их зажгли.

А дом устал стоять на месте,
Взял и ушел гулять с невестой, —
Посватал выюгу старикан.
Но возведен здесь честь по чести
Строительно-монтажным трестом
Панельный новый великан.

Но кто здесь жил — не позабудут
Скрипучих лестниц пересуды,
Гул сапогов, стук каблучков,
Пластинку с песней «Рио-Рита»,
Был дом велик, он не был скитом —
Какая в нём жила Любовь!

ЗАПЕВАЛА

Спели песен немало
Средь армейского дня...
Полковой запевала,
Как живешь без меня?
От привала к привалу
Подпевал тебе полк.
И кормил нас на славу
Один котелок.
Мы poznали характер
Устава крутой —
На одной гауптвахте
«Загорали» с тобой.
Загорали мы вместе,
но тебе старшина
весть принес о невесте —
вышла замуж она.
И тебе на рассвете,
нарушая устав,
выдал полсигареты
сержантский состав.
И, сочувствуя очень, —
боль твоя жгла виски, —
написал я той ночью
впервые стихи.
Пусть летят, словно птицы,
за годами года.
Мне с тобой не проститься,
не забыть никогда:

Мне ведь тоже прощаться
С любовью своей
приходилось на станциях,
сквозняках площадей.
И та боль, что, как пуля,
тебя обожгла.
И меня, карауля,
В жизни не обошла.

Сквозь мельканье имен
и мерцание дней
всё звенит небосклон
дальней песней твоей.

Г. Гаденову

Живу не завистью я мелкой —
Коль не для шапки голова.
Мне не пристало на поделки
Свои разменивать слова.

Их цель — по высшему закону
Зажечь пожар в душе людской.
Слова, слова — мои патроны,
В обойму сжатые строкой.

ИОАНН

А вот и он
Достигнул крышки гроба.
Велик сей мир — но некуда бежать.
Его вела неистовая злоба,
Коварству и бессилью —
Исполать!

Свой посох
Ты сломал о череп сына,
Своих врагов —
Живьем варил в котлах!
И вот пришла, пришла твоя кончина,
Все ждут ее,
Наследный Мономах.

...Я ночью вздрогну:
В темноте кромешной
В казанские ворота бьет таран.
И — громкий взрыв!
Великий и ничтожный
В Казань въезжает
Грозный царь Иван.

УГОЛЬНЫЕ КУЩИ

Д и п т и х

Р. Г. Кол

1.

За перекрестком
  вызрел террикон.
Автобус рассекает снег чернящий.
Прокопьевские
  угольные
  кущи

Закон — тайга?
Нет! Уголь здесь закон.

2.

Как черствеет закат за оконным стеклом
Неба серого плат не согреет теплом.
А закатные угли тепло не внесут
В этот скорбный, завьюженный сырый ут
Вновь Прокопьевск. Гостиница. Скучность
  во
Лица грустные, скорбные, как похоронны
Освященные мрачным безрадостным днем
И в закатном огне — словно лики иконни
Черной угольной пылью здесь мечено все
И январский снежок. И лицо у шахтера.
И в шахтовой столовке, закусив «ивасём»
Тихо «стервис» ругают два ушлых шофер

Мир Кузбасса! Синеющий скорбно углем,
Темно-синий, чернеющий мир наш
шахтерский!
Отчего мы согласны всегда и во всем?
Почему б не рвануть воротник
«по-геройски»?

«По-геройски»...

А, может быть, просто вот так:
Разорвать серых будней сжимающий ворот!
Отвести угрожающий жизни кулак,
Синью угольной татуированный город!

Потому что повсюду божественный зрак
Метит тенью Христовой кварталы

для бедных.

Потому сквозь шахтовый натруженный мрак
Вижу лица святых в этих обликах бледных.

СУЛЛА

В дождливый день женщины Рима
отдали все свои благоволия, чтобы
погребальный костер Суллы ярко за-
пылал.

П л у т а р х

Под старость лет он чуть не обезумел.
Пресытился. Ну, кто его поймет?!
И Сулла вытирает жирный пот.
И дышит тяжело, как вулкан Везувий.

Он тучный, но как часто жирный пот
Он смешивал с любовной негой женщин.
Ему всегда, везде, во всем везет.
Ведь Сулла он! Не больше и не меньше.

Он на рассвете вызвал должника.
Велел его душить до смерти слугам.
И наблюдал с улыбкой нежной Сулла —
Как дергалась в конвульсиях рука.

Закашлялся. Взметнулась кровь на миг,
Ручей потек по золоту, камням.
И в этот миг он истину постиг,
Что смерть — не только пытки, кровь
и крик —
Он даже смерть имел от наслажденья.

Над пеплом Суллы Сулла начертал:
«Здесь тот лежит, врагов кто умерщвлял.
Возвысил римский меч среди мечей!..»
Здесь Сулла спит.
Палач из палачей.

МОРСКОЙ СОБОР

Юнге Н. Федорову

Где якоря на шпилях золотились,
Где Петр в море выход дал Руси —
Морской собор.
Здесь свечи шевелились,
Когда вздымалось: «Господи, спаси!»

Пять тысяч флотских стриженных затылков
Не ты ль, Господь, сквозь купол замечал?!
И выводил слова молитвы пылко
К слезам привыкший воинский хорал.

Был свод разрушен вражеским снарядом,
И как порез — он в небесах зиял;
И видел Петр, как под блокадным адом
Матросский город смертно голодал!

Дымился ладан. И священник снова
Анафему врагам провозглашал,
И Петр, сжимая свой клинок, сурово
Российский флот на подвиг провожал.

И взор царя был морякам полезен,
А вместе с ним и воинство святых,
Когда на переплавку шло железо
Прославленных кронштадтских мостовых!

Но словно цепи, сброшена блокада,
И мореходы, выйдя на причал,
Буханку хлеба — высшею наградой
Царю приподнесли на пьедестал.

Был этот хлеб от слез матросских горек,
И порохом немного отдавал.
Собор вздымался над спокойным морем,
А Петр российский флот на подвиг звал!

КИЕВ

Побарабанил сведенными пальцами
По столбику ограды:

жди и помни!

Ах, все мы в жизни рождены скитальцами!
Блеснул сквозь листья

крест на колокольне...

И потекла тяжелая кручина,
Отъезда гарь в заждавшуюся грудь:
Во имя мамы и отца, и сына,
Во имя друга — Город

не забудь!

Собор молчал. Казалось,

чуть покачивал

Зеленою Владимирской главой,
И месяц четкий профиль обозначивал,
И шелестел каштан тугой листвою,
И синью наливалась кручина,
И облаков белели паруса:

Во имя мамы и отца, и сына —

Не набегайте, слезы, на глаза.

Я этот Город вымерял собою,
Босым мальчишкой мчался за дождем.

И стал он мне

и домом, и судьбою,

И жизненной силой

на подъем!

1975 год

ЗВАНИЕ: СИБИРЯК

Борису Бурмистрову

И вновь я права обретаю
Идти меж теснинами душ —
В гостинице я проживаю,
А рядом со мною — ингуш.

И хоть мы нигде не встречались —
Он был мне понятен и мил,
По-русски мы с ним изъяснялись,
По-русски Муса говорил.

Вот здесь на великих пространствах,
Где кровь закипает быстрее,
Родилось великое братство
Свободных и гордых людей.

Глаза чуть навывкат и — узкие,
Хакас и чалдон, и коряк —
Все связаны речью русской
И званием — сибиряк.

А даром Оно не дается —
В нем удаль и дерзкая ширь —
Не всем, не всегда улыбнется
Высокая наша Сибирь.

БЕГЛЫЙ РАБ

Владимиру Дагурову

Ночь наполнена надеждами.
Для сомнений — нет причин.
Землю рваными одеждами
Греет рыжий Темучин.

За полями, за буранами
Сквозь двойную пелену
Смерч огня летит над храмами,
Рвет китайскую стену —

И звенит над колокольнями
Дикий вопль: Кху-кху! Уррагх!
Льется, как вино застольное,
Кровь на княжеский темляк.

И летят тугие гривы
Азиатских лошадей
Над Европою кичливой,
Над бессильем площадей.

Сын степи, железом меченный,
Спит, разбросив руки влет.
И ковыль, луной просвеченный,
От губы его растет.

Сон застиг его под стремянем,
В голове кровавый дым.
Но не властен он над Временем
Так же, как оно над ним.

*Под шашкой дикого лезгина
На поле брани помереть —
Честь русского и дворянина
Нельзя иначе разумать.*

(«Кавказские войны» — из раннего)

ОПАЛЬНЫЙ ПОРУЧИК

Т р и п т и х

I. Секретное донесение

«Осмелюсь доложить: поручик
Частенько гибели был рад.
И, завивая ус покруче,
Летел на вражеский булат.

Вино пивал, но зная меру.
Солдат пороть не разрешал.
Просился в дело из резерва,
Стишки крамольные слагал:

О Демоне — исчадьё ада,
Стишки — осанна бунтарям;
О супостатах-конокрадах:
Все неуютное властям.

Осмелюсь доложить: опасен
Опальный молодой пиит,
С Уставом часто не согласен...
Сие поручика не красит, —
Ведь знатен он и родовит...»

Стоит Мартынов возле пьедестала.
Нахмурен лоб. И поднят воротник.
И говорит он еле слышно: «Миша,
Я не хотел. Ведь дрогнула рука...»
Он замирает. Хочет он услышать
Поручика тенгинского полка.
Но Лермонтов молчит. Мартынов видит,
Как падают черешни на песок.
И снова он хрипит и ненавидит,
И потным пальцем давит на курок.
О, розовых черешен сладкий привкус!
А пистолет — бьет в сердце, наповал.
Литой свинец, он не подвластен крику —
И что с того, что бывший друг рыдал?!

Наш путь сквозной — от отчего порога.
Пройти по жизни чистеньким нельзя,
И есть в груди тяжелая тревога:
Уходит жизнь. Уводит вдаль дорога.
И целят в спину бывшие друзья.

III. Характеристика

«Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик... исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

Журнал военных действий

Здесь знают горские собаки
(Не то что б штаба писаря!) —
Тенгинцы — ярые рубаки,
Неустрасимые в атаке
И слуги верные царя.

В сраженьях выступает браво
И честь мундира бережет.
О нем идет лихая слава,
Что острослов и рифмоплет.

Однако я сего — не знаю, —
Не это главное, пока,
Честь офицера охраняет
Отвага нашего полка.

Мне говорят, что он задира,
Что женолюб и дуэлянт...
Но даже золотая лира —
Не значит воинский талант.

По смелости — один из первых.
Стреляет очень метко в цель.
Слуга Отечеству он верный
Прибывший в полк наш из резерва
Поручик Лермонтов Мишель.

ЦАРЬ ПЕТР МОЛИТСЯ...

«О Боже, дай такую силу!
Дай мне неистовую длань.
Бояре роют мне могилу,
Доколь холопов слышать брань?!

О Боже, дай такую силу...
Кровь, запекаясь на устах,
Сочится на мою порфиру,
Ручей горячий на перстах!

Господь! Как я, в Россию веря,
Ее безжалостно карал!
Ужели лик мой — рылом зверя —
Я сына в пытную отдал».

Как щупальца персты худые
И судорога сводит рот...
«О, сколько я сынов, Россия,
Твоих послал на эшафот!

Но, Боже, укрепи мне волю...
Я ведаю, что я творю.
России нужен выход к морю,
Как вольный ветер кораблю.

Ладонь мне снасти задубили —
Зело холёны короли! —
Они ведь брюхом не крепили
Свои флоты и корабли —

Я добывал пути морския,
Я колокольни разорил.
Я созидал твой флот, Россия,
Канатами крестьянских жил.

Пошто, Господь, твой звон
постылый? —
России мощь — тебе хвала!
Мне надо, чтобы пушки били,
А не твои колокола!

За все отвечу без остатка,
О, грешен, темен мой народ...»
Рассвета белая перчатка
Ложится на святой киот.

И видно, как сверкают зубы,
И сжаты гневно кулаки,
Полоской белой злые губы
И синевой ярят белки.

Царь молится. Царь исповедь
Пред Господом дает.
Царь новой мыслью молнится,
Дрожит святой синод.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Над человеческой судьбой
Смеялся, как хмельной калика,
Черт с подорожною сумой,
Насмешник злой с орлиным ликом.

И над засаленным столом
В дешевом кабаке поднялся
Фонтан вина. И поделом
Черт над пьянчугами смеялся.

Хлестал густой фонтан вина,
И дрались за глоток пьянчуги.
Твоя душа была пьяна:
Ты слышал человечесью ругань.

О, хитрый черт! Багровый плащ
Так ладно облегает плечи!
А доктор Фауст — просто шарж
На вольнодумье человечье!

Но не понять тебе, гордец
В дворянском праздничном убранстве,
Как смертный платит за венц,
За страсти миг в пустом пространстве.

Ты, пьющий всюду и везде, —
О, как понять тебе однажды:
Что значит верный друг в беде,
Глоток воды в смертельной жажде!..

СТАРЫЕ ДОМИКИ В КИЕВЕ

Старые домики в Киеве —
Дней золотых бахрома...
Ах, до чего же родные вы,
Старые домики в Киеве,
Добрые наши дома.
Дождь ли, пороша ли, в инее —
Ах, до чего ж хороши
Пирамидальные, сильные
Киева здания дивные —
...Память свою вороши!

Не забывай под мерцанием
Новых гигантских домов
Первое место свидания,
Старых фонтанов журчание,
Кипень старинных садов.
Чудится ночью осеннею
(Ах, не сойти бы с ума) —
Против течения замяти,
По повелению памяти
Вновь оживают дома.

Копотью, бомбами мечены
И коммунальным жильем
Вовсе не искалечены,
Доброй улыбкой расцвечены,
Входят они в окоем.

Вспомним, как без назиданья
Дворнику помощь творим:
Лед отбиваем у здания...
И над домашним заданием
Возле коптилки сидим.

Старые домики в Киеве,
Дней золотых бахрома —
Ах, до чего же родные вы,
Старые домики Киева —
Добрые наши дома.

ЧЕЛЯДЬ

Когда, прицельными зрачками,
На челядь смотрит хмурый князь,
Какими точными словами
Установить меж ними связь:

- Да, князь могуч...
- Да, князь умеет...
- Да, князь заступит в стремяна!
И челядь искренне пьянеет
И обожает без вина.

Но чуть могущего убрали
И поменяли имена,
То денно, ночью, вечерами
Гудит, бухтит:
— Его вина!

Ах, почерк вездесущей челяди —
Она ведь преданна всегда!
И, выгнув шею
Черным лебедем,
Штурмует челядь города.

Но вдруг чуть-чуть не выйдет что-то,
Не выйдет княжич на крыльцо,
А ей уже свистеть охота,
Бить благодетеля в лицо.

Да в харю, вдрызг!
Под свист и ржанье —
Был — властелин,
Теперь — мертвец.

И челядь смотрит с обожаньем
На примеряющих венец.

КАБИНЕТ ПЕТРА В ПЕТЕРГОФЕ

Здесь Петр жив. Суровый, своенравный,
Не знавший сна в стремительных ночах.
Стоит он у истоков русской славы,
И вся держава — на его плечах.

И нет в рабочем кабинете тряпок,
Но лишь под своды серые взойдешь —
И по спине вдруг холодок и зябкость.
Какая простота, какая мощь —

Резьба по дубу. Тяжело, упорно,
За дюймом дюйм творили мастера.
И вдруг на миг совсем нерукотворной
Покажется древесная игра.

Игра!..
Полков потешных неумность,
И плотницкий топор в руках не зря,
И взглядом не окинешь всю огромность
Сурового российского царя.

ГАВАНЬ

Не плавал я, не «мореманил»
И ром на палубе не пил.
И все же, гавань, все же, гавань,
Забыть тебя не хватит сил.
    Как великаньи зубы, кнехты
    На пирсе рядышком торчат.
    Звучит сочнее, звонче смех тут
    И зорок капитана взгляд.
Как будто видит он фарватер.
Насквозь он видит глубину!
...Как аппетитно режет катер
Морскую крупную волну.
    Ах, эта пряная отрава!
    Как хорошо в тугую рань,
    Отдав концы, уплыть за славой!
    Подходят шлюпки. Крик:
                                    — Табань!

* * *

Смеялся парень в зоопарке...
Смеялся из последних сил,
Смеялся так, что небу жарко,
И... зверя палкою дразнил.

Порой мы все в огне и дыме
Летящих в бесконечность дней
Смеемся

над людьми живыми —
Чем им больней, —
тем нам смешней?..

МЕМОРИАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ АРЛИНГТОН

Джону Стоуну

Римские сидят орлы
На оградах Арлингтона.
Здесь Отечеством горды —
На солдат глядят иконно.
А солдаты под землей —
И над каждым столбик серый.
Что там сделалось с женой?
Где там сын?
Но высшей мерой
Тут отмерено для всех
Римских древних инвестиций.
Здесь и слава, и успех,
Здесь плебей и здесь
патриций,
Нунций, квестор и легат —
В Арлингтоне возлежат.
Погребальные огни.
Похоронные святыни.
Гордые глядят орлы —
Чтят в Америке поныне
Тех, кто мужество и честь
В дальних странах не теряли,
Не за славу, деньги, лесть —
За Отечество стояли.
Гордые глядят орлы
С высоты своей ограды,
Словно маршалы с горы,
На победные отряды...

БЕЛЫЙ КОНЬ

Эй вы, где вы,
на белых победных лошадках
Возмечтавшие радостно
въехать в Москву?
Воздыхатели, возмечтатели
сладкие —
Где, в каких подворотнях
грызете халву?!
Где вы, гордые, рыжие, ражие
парни, —
Вам еще пару строк — и —
садиться в седло!
Где ты, мой гениальный,
веселый напарник,
Что на почте посылки таскал
тяжело?
Впрочем, что я? И книжка
твоя уж выходит,
И на дачу одну ты уже
приглашен...
Только в сумерках синь
удилами забродит —
Где твой конь?.. —
Лишь шеренга рыдающих
жен...
Белоконные всадники
не въезжали в столицу,

Растворялись в своих
повседневных делах,
Потому что бесчестье
сквозило в их лицах,
А талант они меряли
в рюмках-рублях.
Белый конь... Он призывно
заржет на опушке —
Умирать-то поэты все едут —
в Париж!
Но стоит у Тверского
блистательный Пушкин,
Приглашает культурно:
дерзайте, малыш!
Вещеносная сила струится
во взгляде,
Столько легкости в лёте
волшебных кудрей!..
Все ж помчимся в Москву
сквозь урманы и пади,
На рассвете седлая белесых
коней!..

ВИДЕНИЕ

*«Как будто боя жду, да нет гонца
От старого фельдмаршала с кургана.»*

В. Б а я н о в

Сентябрьским ветром простужен,
Холодным безрадостным днем
Бреду напрямик через лужи
Плененный закатным огнем.

Я в день этот хмурый родился.
Знак Девы. Знать так суждено.
Но главное: в день сей свершился
Бой памятный: Бородино.

И что мне с того, что на плечи
Дождь холод осенний несет.
Еще огрызаются флечи,
Сражаются конный и пеший,
Кутузов приказы дает.

Иду по кварталам сибирским,
А видится мне все одно —
Под небом суровым и мгlistым
Сражение: Бородино.

РАССВЕТНЫХ ДАЛЕЙ БЛАГОДАТЬ...

На рассвете в поезде

Трепещет, бьется занавеска —
Чуть различимы за окном
Мелькают пади, перелески
И солнца огненная феска
За дальним выплыла холмом.

Нет никого в пустом вагоне.
Колес ритмичен перестук.
Метнулся. Бросился с разгона.
Отстал дорожный виадук.

А из белесого тумана
Мне вдруг открылось озеро
Свежо, душисто и румяно,
Как будто милое лицо.

Оно дышало, трепетало
Под властью предрассветных чар.
И пролетало, пролетало,
Над ним клубился легкий пар.

Все колдовское миновало,
Но буду долго вспоминать
Лицо озерного овала,
Рассветных далей благодать.

ДРУГ

Елене Кирзон

Умер кочегар,
А в кочегарке
Пес — дворняга,
Кочегарский пес
Пялит черных глаз своих огарки,
А в зрачках
Стоит немой вопрос.

Пес ворчит, чуть скрипнут где-то
двери,
Поднимает свой собачий нос,
Охраняет,
Не пускает,
Верит,
Что придет хозяин —

Как вопрос
Загнут хвост:
«В метельную погоду
Появись, хозяин дорогой!..»
И не понимает пес,
Что водку
Кочегары пьют за упокой

И не видит никакого толку
В кочегарах —

Молодых парнях,
И ворчит на каждую заслонку
В молодых, неопытных руках.

Не идет на зов. И воет волком,
Задыхаясь от своей тоски,
Нюхает хозяина штормовку,
Не берет из рук чужих куски —

Милый пес!
Ты преданный товарищ —
Так никто не ожидал меня,
О, как ты
На дверь входную пялишь
Очи
В страшных сполохах огня!

МАЯКОВСКИЙ В НОВОКУЗНЕЦКЕ

Ни ограды, ни плит, ни цветочной дорожки,
Лишь ложатся снежинки Вам на ладонь...
Маяковский, Вы видите, Маяковский,
Как горит над Запсибом тяжелый огонь?!

Так хотелось утром подойти поближе,
Снег стряхнуть с Ваших плеч, пиджака,
Только чувствую, всем своим телом слышу:
Снег не тает — к металлу пристыла рука.

Нам и жить, и работать по-Вашему —
здорово!
Но теперь не заметит Ваш пристальный
взгляд
Сквозь рассветное, мерно текущее олово,
Под разбитой телегой рабочих ребят!

Сколько силы и легкости в гордой осанке!
«Город будет!» — сказал он — и встал
исполин.

Город-сад расцветает...
Но здесь лили танки,
Те — кузнечские танки, которые брали
Берлин!

Ни ограды,
ни плит,
ни цветочной дорожки,

Лишь открытая людям
и звездам ладонь.
Маяковский,
Вы видите,
Маяковский:
Как горит
над Запсибом
тяжелый
огонь!

1980 год

ДУША

Душа, как побитый ребенок,
Шевелится где-то в ночи.
Куда ты спешил, поросенок,
На чьи ты спешил куличи?

Но счастье —
ведь это не жвачка,
Не золото и не парад,
Любовь —
не стряпуха и прачка,
А просто потупленный взгляд.

Когда в невезухе железной,
Где каждый урвать норовит,
Увидеть: как женщина нежно
Лишь миг на тебя поглядит!

И радость проснется!
Спросонок —
И жизнь, как река, забурлит.
Душа, как веселый ребенок,
На синее небо глядит.

ВОСЕМЬ

СТРОК

* * *

Имеет все свое начало
И должен быть всему итог.
Мне восемь строк фатально мало
И очень много — восемь строк.

Путь творчества — суров и труден
Сквозь многословия туман...
И каждый день в горниле буден
Бушует страсти океан.

* * *

Может быть, споткнусь когда-то
У дорожного столба
От чеканного булата,
Вороненого ствола.

Ночь глаза мои закроет,
Сумрак плечи обовьет...
Только б не уйти без боя
И упасть лицом вперед!

ОСЕННИЙ ПЛЯЖ

Галине

Осенний пляж. Весь в отпечатках тел.
Весь в отпечатках пальцев и сандалий...
Душа моя! Где есть тому предел?
Тебя вот так же люди истоптали.

Остался только след твоих локтей
Да от груди две ямочки литые...
Осенний пляж. Холодный и ничей.
И на песке есть отпечатки крыльев.

* * *

Не скатертью дорога стелится,
И на суровой мостовой
Нам красит волосы метелица
Своей белесою рукой.

Не легкий серебристый иней —
Наивной молодости знак —
Мне бороду прошил до сини
Сибирский сумрачный куржак.

* * *

Друг в друга вонзая остроты и шутки,
Сшибаются в яростных спорах витии...
Поэты растут, как цветы незабудки
Под небом жестокой и нежной России.

Идут по этапу. Обритые. В ватниках.
Сквозь ругань в лицо и сквозь

взгляды косые

Поэтам при жизни не ставят памятники
Под небом жестокой и нежной России,

ИДОЛЫ

Все идолы повержены. В грязи
Лежат их лица. Холодно. Пустынно.
И все-таки, мой друг, не прослезись
Над стадом этих мертвых исполинов.

Жестокий час прозренья наступил.
И расплылись друзей в тумане лица.
И проступили горбики могил.
И некому и некогда молиться.

МОЛЬБА ДОН-КИХОТА

Мне кажется, я древен, словно мир.
А всё, как прежде, по прямой шагаю.
Затуплен меч. И плащ истерт до дыр,
И давит меня вечная прямая.

Враги мои давно ушли в кино.
А Санчо, плут, взят ночью в вырезвитель.
Пьет Дульсинея с грузчиком вино.
О, силы ада, путь иной явите!

ПОЗОР

«Я принял их дань, и они целовали мне
ноги»,
Так царь ассирийский Ашшурнасерпал
говор
И тысячи лет на старинной военной дороге
Монаршая милость лежит на бесчувствии
пл

Из вони гниенья, из окаменевшего праха:
«Я принял их дань...»
О позор для родов и колен!
Так вот почему пока не был он Римом
распах
Как раненый зверь не сдавался врагу
Карфаг

* * *

У старого, больного Дон-Жуана
Спросили: знал он женщин или нет?
Ответом было: «Море и туманы,
И ветер составляют их портрет.

Суть женщины — великая стихия.
Морской волною вечно ветер пьян.
Их профили, их души золотые
На миг выносит страсти океан».

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОЛЬЦА

Девчонка, ты помнишь как в вальсе
Солдат тебя пьяный кружил?
Железные кольца на пальцы
Закат тяжело отложил.

А войны, пожары, тревоги
И над пепелищами дым?..
И белые кольца дороги
К вискам опустились твоим.

* * *

Какого черта! Жизнь дается раз.
О, блеск волнистый молодого тела!
Искусство — жалкий продавец прикрас...
Взгляни, как любят люди неумело.

И поцелуи грубы — на подбор!
И тяжело, тяжело тела содроганье!
Ален Делона бритвенный пробор
Нам нужен, словно зайцу назиданье.

К ВСКРЫТИЮ ГРОБНИЦЫ ИОАННА ГРОЗНОГО

Все станет молвою после гроба:
Доспехи, роскошь, роковая страсть,
Семь жен Ивана Грозного и злоба,
Немыслимая государя власть!

Все втуне. И ржаветь его доспехам.
Растет трава сквозь треснувший гранит.
И что ему — слезами или смехом..
Облита темень погребальных плит...

ПОСЛЕДНЕЕ...

Ее я никому не выдам —
Свою последнюю строку.
Как берегут последний выстрел —
Ее под сердцем берегу.

Она и в праздники, и в будни,
И мой поклон, и мой привет..,
Она — когда мне очень трудно.
Она — когда спасенья нет.

По Т. Г. Шевченко

И если жизнь развалилась,
В тупик завела дорога —
Как в высшую справедливость
Поверили люди в Бога.

А Бог восседал на небе,
Творил свой суд и расправу.
И были слабые немые,
И были сильные правы...

* * *

Уходят мужчины. Уходят в раскаты.
Уходят в рассветы. Уходят в закаты.
И город становится мрачным и тесным,
И кажется хлеб без любимого пресным.

Но будто бы вот он — идет переулком!
Лишь эхо хохочет протяжно и гулко...
Рассвет за рассветом касаются окон
И женщине красят седеющий локон,

* * *

Всё. Забыты ночи и ночевки.
Тары-бары. Суета колес.
Только надо мной несется челка,
Как волна. И как безбрежный плёс.

Брошу все: застольное веселье,
Лигбригады, срочные дела.
Объясни, какого ты мне зелья
С губ своих попробовать дала?!

Брату

Он выливался на Крещатик
Мой переулок удалой.
Прости, мой брат, но я фанатик
Вот этой древней мостовой,

Вот этой узенькой тропинки
Родимой киевской земли:
Где льется Млечный путь
В искринках,
Где «классы» в уличной пыли!

ВЕДЬМА

Возврата нет. Не запятая — точка.
Бьет в моем сердце колокол: отбой!
Зачем же ты пришла метельной ночью?
Я твои руки чую над собой...

Я не хочу ни близости, ни драки.
Я на тебе давно поставил крест.
Но ты летишь ко мне в метельном мраке,
И... стены расступаются окрест.

ПРИВОКЗАЛЬНО

Снег идет под сводом поздней осени...
Привокзально... Тает снег в вине.
Пожилой мужчина с звонкой проседью
У ларька тоскует о весне.

И стакан с густым, как кровь, кагором
Пляшет в его стынущих руках:
«Будь здоров, родным мне ставший город!»
Седина не тает на висках...

* * *

Всё сараи, бараки, застройки...
Век ракетный, куда ты спешишь?
Ты не платишь свою неустойку —
Протекает ведь множество крыш.

Да, ракеты теперь, а не кони,
Но еще впереди — все века —
Космонавтов, ученых, влюбленных —
Будут руки кормить мужика.

ПАМЯТИ А. Н. ВОЛОШИНА

Каждому дана голова,
Каждому даны уши:
Можно услышать слова,
Можно услышать души...

Вам было сердце дано —
Не просто мускульной силой:
Гордое было оно —
Людям светило!

ДАВИД

В мужестве не отказать Давиду.
Ну, конечно, кое в чем еще...
Он поменьше Голиафа с виду,
Но зато владеет он пращей!

Так зачем на дальнем полустанке,
Заглотив крепленого стакан,
Говорил одной интересантке:
«Ты скажи: пошто я не Иван?!»

Бьется сердце в ладонях чужих, бьется
не уставая,
Бьется сердце, как рыба — смотри,
отломился плавник,
Бьется сердце в ладонях, его амплитуда
кривая,
Не смолкают удары его ни на миг,
ни на миг.
Нет, профессор Бернارد не приладит
резиновым пальцем
Этот клапан — оторванный грязной рукою
плавник,
И сердечный ремонт не построишь на базе
заправочных станций.
Вон — на чистых девичьих перчатках
виднеется крик.

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ВИТАЛИЯ КОРОТИЧА
(с украинского)

СЛЕПОЙ

Здесь,
В уличном шуме и гаме,
Он спички весь день продает;
На ощупь знакомясь с деньгами,
Он сдачу неспешно сдает.

Чуть утро выходит из дома,
Идет от почета, семьи.
Не пенсию нужно слепому!
Иметь бы заботы свои.

А спички
Такие, как всюду.
Но шаг замедляет народ,
Вокруг собираются люди:
Слепой коробку продает!

Он в черной одежде, не старый,
Ломает улыбчиво рот.
Слепой, опаленный пожаром,
Огнем угощает народ.

Ему
Средь народа — привычно.
Купите, друзья, коробку!
Сухие добротные спички
Возьмите с хорошей руки.

ТИШИНА

На Винничине фашисты рас-
стреляли группу глухонемых.

Он им сказал:
«Зима уже, не будет
Вас ветер согреть теплом сухим.
Из мертвых деревень уходят люди,
И стелется над пепелищем дым.

Сегодня тишина по всей Европе,
Новейший мир встречает свой восход,
Лишь мчится пепел бешеным галопом
И смерть людей на перекрестках ждет.
Замерзнете. Погибнете напрасно.
Окоченело время здесь в селе.
На улице лишь ветер дует властно,
Мечтают даже звери о тепле.

У звезд тепла и крохи не найдете,
И замерзают птицы на лету,
А Украина ваша распростерта —
По ней солдаты фюрера идут.
За что вы бьетесь?
Страшные потопы на вас падут,
Попомните меня.
Где прятались упрямые холопы —
Вы, странные, в потемках, без огня?»

Они молчали.
Снег лепил седины
На черные блестящие виски,
И только ветер голосом свиным
Выкрикивал слова немой тоски.

Ни огонька. Вокруг метель клубится.
Слоистые снега со всех сторон.
«Замерзли?» — Офицер снял рукавицу.
«Погрейтесь же!» — И выдохнул:
«Огонь!»

ИЗ ИВАНА АНДРОЩУКА

(с украинского)

* * *

ведь встречались:
и не в этом столетьи,
кадре, что будет,
росто в исчезнувшем свете,
может, цветами
ом-то едином соцветьи,
росто соседними днями
двеченном лете.
ведь встречались —
пнулась памяти дверца,
может, двумя половинами были мы
сердца,
и криком, иль смыслом, когда нам
молчалось,
никогда не бывало,
же встречались.
тблеска звёзд
холодного космоса мчались.
света звёзд
алах, вдруг скрестившись, умчались,
ведь встречались,
а мы ведь встречались,
а мы ведь встречались...

ИЗ НИКОЛАЯ СТАНОВИЧА

(с украинского)

СЕДАЯ ДОБРОТА ХАТ И РАКИТ

Седая доброта хат и ракит,
она в тяжелый час льнет к человеку.
Она стоит возле людей от века,
и осенью за океан не мчит.

Она с зарей нам сердце просветлит,
ей никогда о камни не разбиться,
не утонуть, и в толчее не скрыться.
Седая доброта хат и ракит.

ИЗ ТАТЬЯНЫ МАЙДАНОВИЧ

(с украинского)

* * *

Не ведаю уже:
что есть любовь?
И объяснить другому
не сумею.
Стал реже сниться,
легче и вольнее
обоим стало.
Ты не прекословь.
Пусть будет так,
но ведь еще вчера
спокойствия, уверенности ждали,
и домик наш
так нежно обряжали,
чтоб в нем смеялась наша детвора.
— Так что же это? —
Я себе твержу.
— Совсем стемнело,
а тебя все нету?
Трамваи с рельсов?
Дуги их воздеты?
Их графики порой
так безответны.
Как неприкаянная, я хожу.
Не ведаю уже:
что есть любовь?
В другой раз —
нынче — вовсе не отвечу.
Я просто сердцем
каждый шаг твой мечу
и влажность рам
я оттираю вновь.

ИЗ ЮРИЯ ЩЕРБАКА

(с украинского)

КИЕВСКИЕ ФРЕСКИ

* * *

Легкой спортивной походкой
академик Амосов
взбегает на Байковую гору,
где светится зеленоватым кафелем
операционный зал, торжественный,
будто собор Жизни и Смерти,
академик идет вдоль скрюченных дубов,
которые помнят себя желудятами,
и ничего не видит вокруг себя, потому что
спешит,
о, как он торопится!
Ведь сегодня три операции с отключением
сердца,
кроме того необходимо создать
математическую модель счастья
и алгоритм любви.,
необходимо поддержать гипотезу ангела
и разъяснить теорию дьявола,
необходимо написать воспоминание
про операционную сестричку Наташу,
которая погибла в 1943 году, когда
бомба попала в землянку,
нужно также договориться с министром
о строительстве нового корпуса,
а затем встретиться с доктором
Иоганном Фаустом
из Гейдельбергского университета,

конструктором железного сердца,
которое не болит и не разрывается,
а только ржавеет зимою.

Поэтому академик Амосов спешит,
взбегает на Байковую гору,
оставляя позади себя могучие дубы
в счастливо-зеленом убранстве.

Дубы никуда не спешат.

Через 200 лет они будут вспоминать
легкую походку Николая Амосова

и удивляться:

зачем и почему кто-то новый

поспешно устремляется вверх.

МУЗЕЙ ПРОСТО НЕБА В ПИРОГОВЕ

А вечером,

когда первые дрожащие звезды

кто-то сеет в небе,

когда последние французские туристы,

сфотографировав деревянную церковку,

японскими зеркальными камерами

на американскую цветную пленку «Кодак»,

садутся в автобусы «Мерседес»,

когда кассир музея запирает сейф

с дневной выручкой,

а спелые колосья запахнут далеким

щемящим детством,

только тогда в пустых хатах

под соломенными кровлями появляются

люди,

те, которые жили когда-то здесь.

Галины готовят борщи,

торопясь — ведь летние ночи короткие,

отбивают Иваны косы;
Василий впрягает волов в повозки,
поднимается ветер, ночной и прохладный,
двадцать пять ветряков
начинают вращение крыльев,
со скрежетом, визгом и грохотом
они мелют призрачное зерно,
настоянное на месячном свете.
Марийки любимых ожидают за хатами,
а Горпины детей рожают в муках,
а Семен Вовкулак свой топор наточил
на соседа,
чтобы ночью его порешить,
а землю себе заграбастать...
...Рассвет начинается тихий,
музейные хаты пустеют,
все прибрано здесь и чисто.
Колыбельки висят пустые,
ни хлебного духа, ни пятен крови,
потому, что утром должны приехать
японские кибернетики-программисты,
которые владеют приемами каратэ
и любят графику Хокусаи.

1911 ГОД. ОСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ

Зеленые ежики каштанов
падают на брусчатку,
с Днепра надвигается первая осенняя мгла,
член киевской организации
анархистов-революционеров
Дмитрий Богров, вспотевший от напряжения,
стреляет в оперном театре
в Столыпина,

девочка в серой пелеринке поднимает каштан
и задумчиво смотрит
на это коричневое сердечко;
в Протасовом яру
доктор Яновский
оставляет на столе деньги
больному легочной чахоткой,
как чудесно шелестит листва под ногами,
какой грустный и чистый запах,
офицеры 4-го тяжелого артиллерийского
дивизион
испытывают новую секретную пушку,
предназначенну
для стрельбы в небо,
а девочка, раскрасневшаяся на ветру,
возвращается домой,
сверкая карими, словно каштаны, глазами,
поет что-то веселое,
берет свою любимую куклу
и укрывает ее нежно и тепло, чтобы ночью
не замерзла.
так будет укрывать меня,
когда я появлюсь у нее
в 1934 году.

* * *

На площади Октябрьской революции
фонтаны сияют новые
брызгами золотыми,
водопады ласково выгибают
свои лучистые спины,
а на электронном табло
красные цифры
отмеряют время неумолимое.

Прибежала на свидание
девушка, задыхаясь,
из парикмахерской «Колдунья» —
она только что выскочила,
где ей сделали безумно-прекрасную
прическу, —
волосы закрутили в малюсенькие кудряшки
в стиле «афро-американ»,
возле почтамта толчея,
приближается время «пик»,
все куда-то спешат, толкаются,
только я
вспоминаю молча,
где стояла среди развалин и горя
виселица,
на которой вешали
немецко-фашистских преступников,
палачей
этого вечного
города.

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В КИЕВЕ

Гимназисты 4-й гимназии
(ул. Большая Васильковская, 98, тел. 620)
Ярослав Ивашкевич и Кароль Шимановский
были замечены учителем гимнастики
прапорщиком Митрофановым
в театре-варьете «Аполло»
(ул. Маршалковская, тел. 24-84),
когда пытались станцевать
новый непристойный танец —
аргентинское танго
с неизвестными гимназистками...

Но

в связи с началом
первой мировой войны
дисциплинарное дело было отложено
до конца XX столетия,
когда в город смог
вернуться

Ярослав Ивашкевич,
который в ресторане гостиницы «Киев»
(ул. Кирова, 26/1, тел. 93-01-55)
вновь заказал аргентинское танго.
Танцевали все,
лишь он сидел,
тяжелый, восьмидесятилетний, мудрый,
со слезами на глазах,
вспоминая черноокую гимназистку,
с которой так и не потанцевал,
и прапорщика Митрофанова.
царство ему небесное.

ИЗ ИВАНА ДРАЧА

(с украинского)

ДЕВИЧЬИ ПАЛЬЦЫ

Боже, сколько крика в этих пальцах.
Сколько света в голубых пучках,
В загорелых пальцах, на скитальцах,
На страдальцах нежных, на руках.

Боже, сколько этого свеченья
В пальцах, колыбельных немоты,
В пламени надсадного сомненья
С ними только тень моя «на ты».

Светятся... О светлячки, рассветы,
Пять миров. Все расцелуешь ты.
О любви преступные приметы
С каторги любовной немоты!

Что же им поделывать стоязыким
И безмолвным? Вспыхнешь — и помрешь!
Проклинаю. Режу синим криком
Их стыдливость, и бесстыдства дрожь.

Солнышек пятерка. Засыпаю.
Надо мною пальцы — россыпь звезд.
Чабреца мед сердце заливаает,
Горько-солнечный, родной до слез.

ИЗ ДЖОНА СТОУНА (перевод с английского)

Такого Рода Вещи Не Случаются Часто
И Когда Это Происходит Вы Должны Обращать Внимание.

Я рад небесному участию
За сумасброднейшее счастье.

За что же Сущий в чувств избытке
Послал мне с неба маргаритку?!

В Пьемонт, в авто на север мчался,
Вдруг предо мною оказался
Шар, словно мыльный, необычный,
Сверкающий, голографичный.

Он предо мной вращался странно
Блестящей сферой чьей-то ванны.

Взлетел со звуком, скажем прямо, —
«Харлея Дэвидсон» рекламы.

Как будто был он кем-то спущен,
Взлетел объемный и влекущий.

И я считаю этот факт
Как о себе вниманья акт.

Ведь проявил свою заботу
Мне, шар даруя, добрый кто-то.

ИЗ НЕМЕЦКОГО ФОЛЬКЛОРА (с немецкого)

ЭПИТАФИЯ ЖЕНЩИНЕ

Здесь нежная и кроткая
В могиле сей лежит.
У гроба оборвался след мужской.
А женщина все ждет.
Надеется, не спит.
И эта страсть вращает шар земной.

БЫК

Бык шел на луг,
Где поглощал немало:
Цветам, траве, колосьям был он рад.
Душа быка ничто не выбирала:
Ведь он считал травую все подряд.

ТОСТ КАЗАНОВЫ ВО ФРУКТОВОМ САДУ

Смеялся Казанова:
— Право слово —
Сколь много яблок здесь
В саду фруктовом!
Я поднимаю тост не ради скуки:
Пусть каждое согреют чьи-то руки!
Но словно женщин
Их судьба иная —
Нередко самых лучших
Не срывают.

ПОЭМЫ

ЕЛАНЬ

Плакс Людмиле Архиповне посвящается

ЗАПЕВ

Чистой известью покрашены бока,
Глянeshь с долу — как цветочная пыльца.
И от каждой от калитки, от крыльца,
Вся Елань белым-бела, легким-легка...

Отчего же побелела ты, Елань,
Отчего как невесомая стоишь:
В неба чистого распахнутую рань
Словно к взлету приготовившись, глядишь.

Нет энергии и жара в дизелях, —
Здесь зимой, порой, солярки не найдешь.
Но, однако, крепыши живут в яслях.
Ты геолога тепло и жадно ждешь.

Прикипела ты к душе моей, Елань,
То ль листвою невысоких тополей,
То ли есть в тебе невидимая грань,
Коей можешь ты притягивать людей.

* * *

Костистый и угрюмый иннок
Когда-то с посохом прошел
По скатам этим и долинам,
По большакам кузнецких сел.

Он шел и обходил болотца,
И там, куда бросал свой взгляд,
Как синие глаза — колодцы
На небо вечное глядят.

Остановился на поляне,
Опешил: перед ним была
Как на ладони, жизнь Елани
Большого древнего села.

Околица. А в отдаленье,
Он, оглядев ландшафт вприщур,
Увидел новое селенье —
Лесной поселок Абагур.

Неласковой была природа.
И, видно, долгие века
Здесь повитухою при родах
Крутилась Кондома-река.

Несла живительную влагу,
Как будто высшие права:
По сограм, по холмам, оврагам
Всходила буйная трава.

А там и стадо потянулось
К траве тяжелою губой;
И пашня тучная взметнулась
И дым завился над трубой.

Видать, не целую неделю
Господь трудился — меньше дня;
Но жизнь затеплилась в апреле,
Чтоб к осени пошла стерня.

Вот вам и все происхожденье:
Свой лад, свой быт, кровей смешенье.
Союз бергалов и крестьян,
С примесом крови каторжан.

ЁЛАНСКИЙ БОГ

Я шел тайгою. Тихо. Глухо.
Был слышен только сердца стук.
Над головою шелкнул сухо
И пал к ногам еловый сук.

Я поднял голову. А рядом
Не лось, не рысь и не кабан —
Стоит и смотрит ясным взглядом
Таежный леший, местный Пан.

Он был в зеленой пестрой шкуре,
Под стать листве. Но вот те на!
Пока что возле Абагура
Стояла ранняя весна.

И только набухали почки.
Ну хоть бы где один листок!
Надел зеленую сорочку
На две недели раньше бог.

И посему он был приметен:
Глаза с сиреневым огнем.

Шатен. Но ликом чист и светел.

И был вполне приятен днем.

Но страх пронзил меня стрелою.

К земле прирос я как пенек.

И все смотрю — вдруг под полою

Мелькнет тяжелый кистенек.

А он сказал: — Не рудным делом

Ты занимаешься, дружок,

Иди спокойно, двигай смело —

Не вор я, не разбойник — бог.

Ты мне совсем не интересен

И дружбы ты моей не жди.

Ну а насчет стихов и песен —

Я не любитель. Проходи.

Я вижу: кистенем не ахнет

И даже пререкаться стал:

— Здесь рудным делом и не пахнет,
Здесь и не водится металл.

Месторождений в этом месте
И днем с огнем ты не найдешь.
Так что ж ты ищешь в перелеске,
Какую жизнь тогда ведешь?

Он рассмеялся: — Видно прочно
Ты жизнь на рифмы разменял
И без тебя я знаю точно,
Что здесь не водится металл.

Богатых нету здесь карманов,
Нет кладов, золота, монет.
Причал здесь рудных капитанов,
Мерцает в окнах теплый свет.

И потому меня ты встретил,
И потому здесь я стою,
И потому доставил ветер
Меня в Еланию мою, —

Живут здесь други-рудознатцы,
Здесь в душах водится металл,
Такого ты, изволь признаться,
В музеях, храмах не видал.

Геологи из чащи синей
В осенний час, урочный час,
Когда подернет землю иней,
И чтоб очаг их не погас —

Спешат сюда. Здесь передышка.
Здесь баня, стайка, огород.
Ночная радость — баба-пышка,
Чтоб на земле продолжить род.

И образцы доставив, пробы,
Они подводят тут итог.
Отчет дают во всем подробный.
Откуда знаю? Я их бог.

Причем не тяга к алкоголю,
Не жадность их ведет вперед —
Бедняги грезят чистым полем,
Как море моряка влечет —
Влечет их поле, поле, поле
Не так уж чистое порой.
Тайга, урочища, раздолье,
Палатки полог под кедрой!

ЗЕМЛЯКИ

Смеркалось. И тропа дымилась,
Сливаясь с небом впереди.
Его я встретил? Иль приснилось?
Жара, жара. Когда ж дожди?

Горят и выгорают травы,
И колос не пробьется в рост.
Дождя б на землю, боже правый,
В июне дождь — как россыпь звезд.

И тут-то я на дымной тропке
Увидел ясно трех людей.
Три человека неторопо
Шли как бы вдоль судьбы моей.

Был параллельно путь расчерчен,
Врастал в небесный потолок
Костистый парень. Двое женщин
Его окликнули: — Васёк!

Шли женщины чуть-чуть поодаль.
Но дружно. Видно: земляки.
Такое есть у нас в народе —
Рука касается руки.

Поднес к губам мужчина ловко
Вихристой спички мотылек.
Мелькнула надпись из штормовки,
Наколка на руке «Ларек».

Он сладко затянулся дымом,
Так курит тот, кто знает толк,
Тот, кто идет домой, к любимым,
А не крадется словно волк.

Мелькнула троица на горке,
Прошла, исчезла вдалеке.
Вдохнул и я дымочек горький
И куст полыни сжал в руке.

И вдруг почувствовал, что с дымом
Я все заботы их впитал,
И сдвинулась стена незримо,
Я души, души услышал.

**Монолог учительницы
АННЫ ТИМОФЕЕВНЫ,**

мечтающей о возвращении в областной центр

Это голубь трижды бился об окно,
Это стало на душе моей темно.
Третьи сутки в моем доме смертный бой,
Третьи сутки не трезвеет милый мой.

Только пей ты иль не пей, мне все одно.
Собираю я вещички и качу.
Интеллекту здесь погибнуть суждено.
Здесь ни часа больше жить я не хочу.

Институт же я закончила зачем?
Чтобы здесь в Елани проклятой сидеть?
Кем была я и теперь я стала — кем?
И зачем свинец мне, шкель или медь?

Монолог

ВАСИЛИЯ ИГНАТЬЕВИЧА

(в прошлом «Васька-Ларек»)

Хорошо, когда легко возьмешь ларек!
Две недели можно запросто гулять.
Не «по фене» я, по русскому, браток —
Нынче в фене этой нечего искать.

Были «кони», были «бабки», чудеса,
Был вокруг моей фамилии балдеж:
Протрезвели мои пьяные глаза
И увидел — рядом друга не найдешь.

Самому, что в чаще волку — как прожить?
Волк и тот своею шкурой дорожит,
Волк на лошадь не пойдет, боясь копыт,
Если стаю клыкастой не прикрыт.

И растаяли все крупные ларьки,
И все сроки отсидел я «до звонка»,
И увидел горизонт из-под руки,
Из-под ломаного кепы козырька.

Поначалу только в карты я играл.
На работу — будь то ветер или дождь —
Я, признаюсь вам по совести, чихал —
Норов свой, как речку вброд, не перейдешь.

Только утром как-то встал я до зари.
А тайга — такие запахи стоят!
Что-то дрогнуло и замерло внутри —
Где же, думаю, зачеты мои в ряд?

Затянуло, засосало, понесло —
Я сорвал тогда рябиновую гроздь,
Вот так думаю: все было — все прошло,
И кому такой я нужен парень-гвоздь?!

Банк стучит. А карты нету как назло.
Недобор иль перебор — мне не понять:
Красной ягодой вдруг душу обожгло —
Эх, кровинушка упала — не поднять.

Нет в колоде ни тузов, ни козырей,
Только серые безглазые ларьки.
Лишь свистки ментов в колючке лагерей,
Сроки мелкие, а жизнь — на куски.

Где мой сын? Где жинка, хата? Где кров
Или век мне по палаткам, шалашам.
Шалашовкой ли продажной, в бога мать,
Прислоняться к обворованным ларькам?!

Вот тогда я словно зрение обрел.
На работе — по две смены выдавал.
И копейки я не пропил. И нашел
Не в карманах — под землей нашел мета

Ждет жена меня в Елани, сын родной,
Есть фартовый, поисковый в сердце жар
И не падо, друг, дороги мне иной.
Так растаяли ларьки мои как пар.

Словно сон. А двадцать лет уже прошло
Наливай тоску стаканами да пей.
Хорошо меня рябиной обожгло
На тропиночке завьюженной моей.

Монолог домохозяйки
МАТРЕНЫ ПАВЛОВНЫ

Нынче в партии не знаешь — кто блатней.
Раньше лучше шел вербованный народ.
Потому-то я кормлю теперь свиней,
Это лучше, чем блатной в наколках сброд.

Не поесть и не попить, и не поспать.
Мужичонку-то своего и не обнять.
Летом нужно крепко-накрепко пахать.
Обязательства, конечно, выполнять.

Огородишко вспашу я — ого-го —
Ничего, что мне давно за пятьдесят.
Обязательства возьму я, дорогой,
Для семьи взрастить побольше поросят.

Накормлю я добрым мясом мужика.
И нужды не будет знать он никакой.
Я не знаю, что такое есть тоска.
Вся в заботах я бываю день-деньской.

ЭПИЛОГ

Да, быт таежный им известен:
Жара, зверье да комары,
Крутая дружба, много песен,
Лопаты, ружья, топоры.

И вот из этих атрибутов,
Рождается другой уклад —
В котором тропочки маршрутов
Вперед уверенно спешат.

Из неюта, сухомятки,
От мокрой хвои по утрам
Шуршат и шепчутся палатки,
Под стать таежным ветеркам.

Но важное вершится дело,
И как бы трудности не жгли,
Коль крепко сердце прикипело,
Трясиной, в темноте, в пыли —

Вперед идут первопроходцы,
Чтоб знать, где уголь, где металл,
Им бить шурфы, копать колодцы,
Искать богатства между скал.

Могучей вечной силой вала,
Потребностью вперед шагать,
Вся эта служба обладала,
И вечно будет обладать.

Им, словно в пище — мало соли,
Чуть крылышки прижжет весна,
И вновь уходят люди в поле,
Вновь жизнь им в городе пресна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бродячие псы по Елани
На редких прохожих ворчат.
Сейчас время воспоминаний —
Геологи дома сидят.

Начальник рисует на кальке.
На улочке падает снег.
Работает пламя в «спектралке»,
Вернулся домой человек.

ЗАЧЕМ?

Поэма

В 1965 году я познакомился в Мариинске со старухой, видевшей Чехова во время его поездки на о. Сахалин, получившей серебряный рубль из рук писателя за помощь при переноске вещей.

(Использованы факты из биографии и переписки писателя)

I

...И едет он под небом серым.
Трудна дорога, далека.
И кажется порой, что нервы
Наматывает ось возка.

Давно судьбою он отмечен.
Известен он уже везде.
Так что, ему заняться нечем,
Чем ездить при таком дожде?!

Куда же едет доктор Чехов?
Куда его «толкает сплин»?
А всхлип колес по мелкоколесью
Летит на остров Сахалин.

Чуть просветлело. Вновь дождится.
Вновь капли бьют в окно: кап-кап.
С дороги спугивая птицу,
Плетется каторжный этап.

«Кого ведешь?» — «Знамо, убивцы...»
«А политические есть?»
Улыбка на солдатских лицах:
«Без них-то как же, ваша честь?!»

Стекает дождь по пыльной вые,
Пыль в бороде и на седле.
И двуединая Россия
В двуглавом видится орле.

Да, выразительна эмблема.
Возок мой, поскорей катись!
Нам, кажется, пришло время
Приехать в город Мариинск.

П и с ь м о   п е р в о е

В каждом поселке, представьте,
Странных историй — тьма:
Деньги, вино и карты,
Ну и, конечно, тюрьма.

Вот вам простая история:
Двое беглых в тайге,
Два, представьте, Егория,
Отмыли на Лене-реке
Самородок.
Так первый —
                        золото проглотил.

За это
                        товарищ верный
Череп ему раскрыл.

Да, вот такая история,
Милостивый господин.
Было два беглых Егория,
Остался только один.

В рост он пустил самородок,
В рост поднялся легко, —
Купался не раз поселок
В шампанском «Вдова Клико».

Ах, бабьи тела молодые,
Заждавшийся каторжный пыл!
Он, кажется, деву Марию
Единственную не любил...

Письмо второе

Да тут, в Сибири, разговоров
Иных почти и не ведут, —
О том, каков медвежий норов,
О том, как промышляют воры.
И золотишко тут как тут.

Звон благородного металла
Создал тюрьму, таможню, суд —
Орла двуглавого начала —
И золото предназначало
Российский каторжный маршрут.

Коль золотишка где намоет
Русак иль ссыльный караим, —
Кабак соединит с избою
Он кумачовую рекою
И — всех накачивает в дым.

Шампанским водку запивают,
Портянки режут из шелков.
Душа сибирская большая,
В сибирском необъятном крае —
Ни в чем не знает берегов.

«Потешный» тут хозяин — выкрест.
Один — на сотни верст окрест.
Он знает: что где можно выкрасть,
Кого зарежут нынче тихо,
И носит важно, как купчиха,
Из золота нательный крест.

Ах, «милые мои тунгусы»,
Богат, талантлив, дик край сей.
Ну, написал и так уж густо.
Всех вас целую нежно, грустно,
А выкрест даст мне лошадей...

П и с ь м о   т р е т ь е

...Переплывали Томь. Погодка —
Довольно мерзкая. Впотьмах
Почудилось: подсел к нам в лодку
Весь в черном сгорбленный монах.

И что за мистика такая! —
Он ладаном насквозь пропах.
И шепчет: «Знаю, знаю, знаю,
Чье имя на твоих устах!..»

Откуда он? Тут дружно в силу
На весла мужики легли.
И спутник мой бесследно сгинул,
И — мы достигнули земли!

Хотя повымокли изрядно, —
Нет кашля. Аппетит большой.
Подсохли. На душе — приятно.
Народ здесь щедрый и простой.

А сколь здесь птицы! Бьют матросы
И рыбаки — гуся — веслом.

Мужички курят папиросы,
Но славное есть даже в том, —

Поменьше здесь чиновных — зримо.
Нет нищих. Русская душа
Живет почти неукратима,
А Томь — привольна, хороша...

II .

...То вверх, то вниз. Опять с откоса
Спустился маленький возок.
То снег, то листья под колеса
Швыряет ветреный Восток.

Мерцают в лунном свете следи,
Свистит над конской гривой кнут.
Опять колодников доспехи.
Господь! Благослови их путь!..

Всё замело. Тут надо в оба
Глядеть. Уже не до спанья.
Быть может, вон за тем сугробом
Таится злая полынья.

«Ну что же, край разнообразен,
Но чтоб прожил здесь человек
И чтоб не притупился разум,
Пить должно водку целый век».

Ах, доктор Чехов, доктор Чехов!
Вам все б смеяться, все б шутить.
Эх, хорошо бы вам из смеха
Доху серебряную сшить!

Американские чеховеды до сих пор считают, что Чехов поехал на Сахалин из-за несчастной любви...

А в Мариинске нынче новость:
К нам едет знатный человек.
Писатель! Он напишет повесть!
Прославит Мариинск навек!

Культурных заведений — мало:
Завод казенный да тюрьма.
Однако общество вздыхало,
Жена исправника читала
При свечках «Горе от ума».

Притом, гордясь своею статью,
И чтоб сразить весь дамский цвет
Она поспешно шила платье
С французской выкройкой манжет.

Исправник, бывший век под мухой,
Вдруг бросил пить. Ну и дела!
Роились пересуды, слухи,
Одна безумная старуха
Мессию у ворот ждала.

Солидный коммерсант заезжий,
Не знавший Чехова вовек,
Рассказывал весьма прилежно
О том, каков он человек.

Притом не мог не подивиться:
— Коль ты — литературный чин,
Зачем же ехать из столицы
На этот самый Сахалин?

А некто, взглядом цепким шаря,
В трактире, как бы невзначай,
Выспрашивал у мерзкой хари:
«Что ищет здесь приезжий барин,
Что говорит о государе
И сколько жалует на чай?..»

Купчиха говорит игриво:
«Ах, доктор, худенький такой!..»
Поблескивает конской гривой
Коса за мощною спиной.

Зачем он в край глухой приехал?
Она-де знает суть мужчин:
«Да за любовницею Чехов
Спешит на остров Сахалин! —

Она супруга отравила
Ее и в каторгу — навек.
И вот теперь писатель милый
Сооружает ей побег».

...Пыль водяная на ресницах...
Вновь дождь! Такой бы по весне.
И два зрачка — две зорких птицы
Живут за стеклами пенсне.

По этим стеклам — не впервые —
Как сани в свадебной игре,
Качаясь, едет вся Россия
В слезах и в снежном серебре.

IV

Вот скатерти — белее снега.
«Ах, доктор, окажите честь!»
А где-то в стены бьет коллега
Врач из палаты номер шесть.

Сладка чиновничья улыбка —
С ней можно чай гонять весь век.
Попался возле Мариинска
Знакомый милый человек.

Он в чесучовой новой паре,
В очках! Солидный господин!
— Ну что с того, что я в футляре
А вам — зачем на Сахалин?

Ротмистр козыряет пылко,
Под полозом вздыхает снег.
«Вот эта штатская штафирка —
Большой, сказали, человек!»

Кресты сверкают сквозь прорехи,
Валтузит брата мещанин.
Зачем же едет доктор Чехов
На дальний остров Сахалин?..

КОВЧЕГ

Поэма

Вот и сложены в круг
Саквояжи, узлы и корзины.
Я смотрел на людей:
Вот моряк — густобров и плечист,
Две студентки в очках,
Возле них — два вальяжных грузина,
Старый попик, сержант
И одесский седой аферист.

Самолет, что ковчег
Для такого земного собрания,
И запомнились мне
Лица женщины красивых, земных.
Рейс семнадцать поль три —
Ты людское земли оправданье —
Человек ведь не ангел, не черт,
Не зарвавшийся псих.

Поначалу шутили,
Улыбчиво вещи сдавали.
Я за всеми стоял
С виду очень спокойен и тих.
И видать оттого,
Что в Одессе друзья меня ждали,
Чуть заметная радость
В чертах проступала моих.

Я когда-то служил здесь,
Блуждал по Москве в гимнастерке.
Желдорбата погоны. И юности
доблестный пыл.

Одевали меня
Добродушные лапы каптерки.
Но, бывало, во мне
Дух московский с портвейном бродил

Рейс семнадцать ноль три.
У пилотов веселые лица.
Узнаю стюардессу —
Летел с нею в прошлом году,
И ворчала она:
«Бескультурные хамы в столице!..»
Нынче я здесь повсюду
Культурного хама найду.

Помню я как она
Не туда завела пассажиров —
Под дождем поспешила.
Усадила не в тот самолет.
Рейс семнадцать ноль три,
Мне сегодня, пойми, не до жира --
Я сегодня лечу.
И сегодня серьезный полет.

Рядом в кресле глубоком
Целуется парень с подружкой.
Самолет, что ковчег —
Это Ева твоя и Адам!
Что для них высота —
Голубая бодрящая кружка —
Даже смерть не страшна:
Лишь бы губы прильнули к губам!

Сокровенно дыхание...
Юное жаркое лето.
Не свергай же их, Бог,
Им ведь землю дано оживить!
Рядом с ними сижу...
И моя еще песня не спета —
Мне вот так бы любимой
Дыхание нежное пить!

Самолета вираж...
Почему и зачем в одночасье
Самолет от земли
Отжимает воздушной волной?
Не судьбы ль то вираж?..
Человечье усталое счастье...
Кем была ты мне в жизни:
Сестрою, подругой, женой?

В этот миг, когда жизнь
Зависает на лапках секунды,
Ты покрепче за брючный ремень
Или пояс держись.
Самолета вираж.
На земле ведь и сладко, и скудно,
И веселье в слезах...
А всё вместе — обычная жизнь.

В этот миг я тебе
Отпускаю твои прегрешенья.
Что считать, что гадать —
Все на лапках секунды висим.
Черт с тобою, лови
Свою жизнь за мгновеньем мгновенье!
Я ведь тоже легко
Проживал среди весен и зим.

В третий раз самолет
С мерным ревом ушел от посадки.
Вот четвертый заход —
Говорят не выходит шасси? Что?
На лицах пилотов застыли
Угрюмые складки:
Тут и черти, и ангелы —
Всех же их надо спасти.

Стюардесса твердит:
«Пристегните ремни для посадки!
Пришлый АН не смогли в срок
С посадочной снять полосы.
Погодите рыдать.
С самолетом у нас все в порядке!»
И усатый грузин нежно гладит
Большие усы.

Нет, не тот он грузин,
О котором всё пишут и пишут,
Этот наш пассажир —
Он такой же в ковчеге, как все.
И они не друзья,
Старый Ной, забирайся на крышу,
Человечество тут хоть не всё,
Но в обычной красе.

Вот земля, вот причал!..
Но опять нас волной оттолкнуло —
Новый начат заход,
В напряженном режиме таком
Мы немного оглохли,
Стюардесса нам лишь подмигнула,
А багровый дантист
Погрозил вдаль большим кулаком.

Сделан круг над землею
И вновь мы идем на посадку.
Очищай полосу —
Нас Одесса встречает и ждет!
У пилотов на лбах
Капли пота, тяжелые складки...
Принимай же, Земля,
Наш ковчег в синем небе плывет!

Этот пятый вираж...
Напряженность оставила лица.
Все вздохнули
И вот
Самолет наш коснулся земли.
И секунда касанья
В сознании людей будет длиться, —
Это люди людей
От гибели грозной спасли.

Так чего же еще?
О, встречай меня, мама-Одесса!
Я живу, я иду,
И улыбки на лицах друзей.
Лица встречных теплы,
Здесь Перессыпь и прочие стрессы...
Не теряйте, пилоты, свой курс
Из-за бранных страстей!

В этих взорах людских
В этих душах
Земное сокрыто.
Не бросайте штурвал!
Проверяйте надежность шасси!
Рейс семнадцать ноль три,
Ты — молекула грозных событий.
Человеческий разум! —
Ковчег! —
Нашу Землю спаси!

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО...

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮНОСТИ

Я брожу
в коммунальной
квартире
своей

Возле старых дверей.
Возле старых идей.

Старый кот улыбнулся
И канул в окно,
И на улице скрылся,
А в доме — темно...

Еще мать не проснулась,
и спит мой отец,
И в квартире
рассветное
тает вино.

А сосед-фронтовик,
И сосед мой — подлец
Синей ночью спеленуты,
И — заодно.

Половицы скрипят,
тараканы шуршат,
Этих черных (к богатству!)
не видел давно...

А жена у соседа
Потупила взгляд:
Мне — четырнадцать:
Был я на съемках кино.

За моею спиной
и Крещатик родной,
И Владимирской горки
святая глава;

А сосед шевутной
Возвратился домой
И качает,
качает,
Качает права.

Улыбнусь, закурю
(научился курить),
А вот пить не умею,
да и — не хочу!

Ох, как дым чуть горчит,
Ах, как хочется жить!
Ах, как вкусно
и яблочно

Я хохочу!

АКСИНЬЯ

*«В черной мгле суховея
вставало над яром солнце...»*

М. Шолохов (Григорий хоронит Аксиною)

Какая жизнь в апрельской дымке тает!
Потупилось казаческое войско:
Быстрицкая над Глебовым рыдает,
И нет здесь ни зазнайства, ни геройства.

Исчезла жизнь, словно вода в песок,
И ни к чему сейчас кричать и щуриться —
Смерть метко бьет кривой косой в висок,
Пусть трижды ты и распрекрасный умница.

Над Тихим Доном круто облака
Плывут, — ведь жизнь земная не кончается;
Вот отступает черная тоска,
И Шолохов с портрета улыбается.

Не сумрачны веселые друзья —
Судьбу не изменить — ведь жизнь такая!
Уносят кони в небо казака —
Аксинья над Григорием рыдает!

Над выжженную степью зной плывет,
И небеса отсвечивают синью...
...А было все совсем наоборот:
Рыдал седой Григорий
Над Аксиной!

21 апр. 2000 г.

СНЕГ

Виктору Баянову

Когда ложится мерно синева,
И сумерки сиреневой волною
Смывают все ненужные слова,
А кони Клодта скачут над тобою,
Невольно скажешь:

«Нет прекрасней мест,
Чем этот город в предвечерней дымке».
И ты совсем забудешь про отъезд,
Забудешь Моховую и Ордынку,
Забудешь и далекий свой Кузбасс —
Тайгу родную и проспект Весенний.
Взгляни: вдоль Мойки Пушкин и Есенин,
Беседуя, уходят на Парнас...
Но вдруг, как будто в танце колдовском,
Снежинки закружил внезапно ветер.
И стало ясно и легко на свете,
И оживали лица под снежком:
Снег наливался густо синевой
И серебрился в лучевой подсветке,
И повисал над стынувшей Невой
Расцветшею черемуховой веткой.
Снежинки задевали кисти рук,
— Вернись, вернись, — шептали, —
Где б ты ни был!
Сибирский снег, как преданнейший друг,
Нашел меня под ленинградским небом.

СИБИРЯКИ

Кисельных нет в Сибири берегов,
Молочные, пока, не льются реки,
Но стылый блеск от льдов и кандалов
Не заморозил сущее навеки.

Мы — вострый нож
В российском голенище —
Изведал это
В сорок первом враг.

И бранной было кличкою: «сибирщик».
И стало гордым званье — сибиряк!

СЕРДЦЕ

В глубине телесной
на аорте
бьется словно вымпел,
словно флаг.
Люди, ради бога, — вы не спорьте:

с е р д ц е
не похоже на кулак!

СОДЕРЖАНИЕ

радость человеческого общения	5
шагах снега	8

СТЕЗЯ НЕОБРАТИМАЯ

тезья	10
ерно	11
расный пояс	12
На фронт тянулись...»	13
расный цвет	14
тире	16
слевоенное	17
«вези меня, „Скорая”...»	18
кус	19
днополчанам	20
мблемы	22
«стихи слагаю...»	23
елезнодорожная пехота!	24
цвет	25
«ложится заветное слово...»	26
«вспомини поэта	27
«ветер, наблюдающий...	28
«и, как хотелось...»	29
«иди в мелях...»	30
«шапка Шевчук	31
«серому камню склонюсь головой...	33
«аросшие густой травой...»	34
«и, тоска людская...»	35
«осеребренная природа . . . . .»	36

Ярослав Смеляков	37
«Ваше благородие Дорога!..»	38

ИЗ СТРЕМНИНЫ БЕСКОНЕЧНОЙ

«Исторические стихи...»	40
«Вдруг показалось, что...»	41
Осеннее	42
Из стремнины бесконечной	43
Звонарь	44
Февраль	46
Секунда	47
В новогоднюю ночь	48
Светлячок	49
«Восходит лето...»	50
«В переулке моем...»	51
Ленинградская очередь	52
«Срубили на проспекте тополя...»	53
«Рыданье летчиков...»	54
Киевский дождь	55
«Осенний день...»	56
Вечер поэзии	57
Толпа	59
Гривны	60
«Все потеряю...»	61
Уличное	62
«Вот изморозь...»	63
«Приближалась весна...»	64
Москвичам	65
Иммунитет	66
Владимирский собор	67
Медицинские ваганты	68
Франсуа Виньон	69
«Вот опять...»	70
«Рыжеют, желтеют каштаны...»	71
Шахтер	72

Зимние похороны матери	73
Арбуз или земной шар?	74
Поэт	75
Господни врата	76
Мамы	77
Поэты	78
Бабий яр	79
Херсонес!	81
Монолог старого матроса	82
«Лунная дорожка...»	83
«Осколками, обломками судеб...»	84
Восторг	85
«На крутом берегу...»	86
«Оттиском Средневековья...»	87
Натали	88
Мойка, 12. Диптих	89
Локон Пушкина	92
«Воды в Одессе не бывает...»	93
«А было мне...»	94
Одесса — ласковая мама	95
Одесса	96
Одессит	97
Отступник	98
«В нашу гавань заходили корабли...»	99
Апрель в Одессе	101
Апрель в Сибири	102
По щучьему веленью...	103
Ньютон	104
«Геракл не стал бы...»	105
«Все начинается...»	106
Радость	107
В цветенье черемухи. Диптих	108
Участие	109
Цветы земли	110
«Ты вышла замуж...»	111
Дед	112

Пророк	113
«Философ»	115
Бабье лето в Сибири	116
Донбасс — Кузбасс	117
Перстень	118
Дом на Запсибе	119
Запевала	121
«Живу не завистью я...»	123
Иоанн	124
Угольные кущи	125
Сулла	127
Морской собор	128
Киев	130
Звание: сибиряк	131
Беглый раб	132
Опальный поручик. Триптих	133
Царь Петр молится...	136
Мефистофель	138
Старые домики в Киеве	139
Челядь	141
Кабинет Петра в Петергофе	142
Гавань	143
«Смеялся парень...»	144
Мемориальное кладбище Арлингтон	145
Белый конь	146
Видение	148
Рассветных далей благодать	149
Друг	150
Маяковский в Новокузнецке	152
Душа	154

ВОСЕМЬ СТРОК

«Имеет все свое начало...»	156
«Может быть, споткнусь когда-то...»	157
Осенний пляж	158

«Не скатёртью...»	159
«Друг в друга вонзая остроты и шутки...»	160
Идолы	161
Мольба Дон-Кихота	162
Позор	163
«У старого, больного Дон-Жуана...»	164
Железные кольца	165
«Какого черта!..»	166
К вскрытию гробницы Иоанна Грозного	167
Последнее...	168
«И если жизнь развалилась...»	169
«Уходят мужчины...»	170
«Всё. Заботы ночи и ночевки...»	171
«Он выливался на Крещатик...»	172
Ведьма	173
Привокзально	174
«Всё саран, бараки, застройки...»	175
Памяти А. Н. Волошина	176
Давид	177
«Бьется сердце в ладонях...»	178

ПЕРЕВОДЫ

С украинского:

Виталий Коротич. Слепой	180
Тишина	181
Иван Андрущук. «А мы ведь встречались...»	183
Николай Станович. «Седая доброта хат и раakit...»	184
Татьяна Майданович. «Не ведаю уже...» .	185
Юрий Щербак. Киевские фрески	
«Легкой спортивной походкой...»	186
Музей просто неба в Пирогове	187
1911 год. Осенние пейзажи	188
«На площади Октябрьской революции...»	189
Последнее танго в Киеве	190

Иван Драч. Девичьи пальцы	192
С английского:	
Джон Стоун. «В Пьемонт...»	193
Из немецкого фольклора:	
Эпитафия женщине	194
Бык	194
Тост Казановы во фруктовом саду	194

ПОЭМЫ

Елань	196
Зачем?	206
Ковчег	214

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО...

Воспоминания о юности	219
Аксинья	221
Снег	222
Сибиряки	223
Сердце	224

Литературно-художественное издание
Печеник Семен Аркадьевич

ЗАПАХ СНЕГА

Избранные стихи

Редактор **Б. В. Бурмистров**

Художник **В. П. Кравчук**

Технический редактор **Р. П. Макарова**

Корректор **В. А. Волкова**

дано в набор 21.06.01. Подписано к печати 03.08.01.
ормат 70×90 1/32. Усл. печ. л. 8,48. Печать высокая.
умага писчая № 1. Гарнитура Литературная. Тираж
00 экз. Заказ 1313. Цена договорная. Издательство
Сибирский писатель». 650099, г. Кемерово, пр-кт Совет-
ий, 40. Типография ГУВД КО. 650099, г. Кемерово,
ул. Н. Островского, 17

